

Нин
ГЕЙМАН
НИКОГДА

Annotation

Под улицами Лондона существует мир, о котором большинство людей и не подозревает. В нем слово становится настоящей силой. Туда можно попасть, только открыв Дверь. Этот мир полон опасностей, населен святыми и монстрами, убийцами и ангелами...

Посвящается Ленни Генри, моему другу и коллеге, без которого эта книга просто не появилась бы, а также Меррили Хейфец, другу и агенту, с которой все идет так, как надо

...Меня в Лес святого Иоанна дуриком не заманишь: я испугаюсь. Испугаюсь нескончаемой ночи среди мрачных елей, кровавой чаши и хлопанья орлиных крыльев.[\[1\]](#)

Г. К. Честертон. Наполеон Ноттингхилльский

*Коли нищему ты башмаки отдавал
В эту ночь и за годом год —
Надевай башмаки — твой путь между скал,
И Христос твою душу возьмет.*

*В эту ночь, да-да, в эту ночь,
И сейчас и на год вперед.
Свечи горят, поленья трещат,
И Христос твою душу возьмет.*

*Коли с нищим делил ты свой хлеб и кров,
В эту ночь и за годом год,
Адский огонь не сожжет башмаков,
И Христос твою душу возьмет.*

Погребальная песнь (отрывок)[\[2\]](#)

Предисловие к этому изданию

Первым делом хочу вас порадовать: даже если вы читали «Никогде», *это* не то же самое «Никогде».

Роман родился, как водится, из телесериала, сценарий к которому я написал по заказу Би-би-си. Не могу назвать сериал неудачным, но пока шли съемки, меня не покидала мысль: снимается совсем не то, что я задумал. И тогда я решил, что лучший способ поделиться своим видением — написать книгу. В конце концов, для этого книги и пишут!

Я сел писать тогда же, когда начал сниматься сериал. Это помогло мне не сойти с ума. Когда при съемках очередного эпизода вычеркивались целые диалоги, а кое-что просто ставилось с ног на голову, я говорил: «Ничего, я включу эту сцену в книгу», — и успокаивался. Так продолжалось день за днем, пока однажды режиссер не сказал: «Мы вырезаем эпизод со страницы 24, и если ты сейчас скажешь: “Ничего, я включу эту сцену в книгу”, — я тебя зарежу».

С тех пор я помалкивал, но все равно думал: «Ничего, я включу...»

Я хотел создать книгу, которая была бы похожа на мои любимые книги детства: на «Алису в Стране Чудес», на «Хроники Нарнии» и «Волшебника страны Оз», — книгу, которая стала бы «Алисой» для взрослых. А еще мне хотелось написать об обездоленных, о тех, кто выпал из жизни, — написать, вооружившись волшебным зеркалом фантазии, в котором мы словно впервые видим то, что видели слишком часто, а потому не замечали.

Я начал роман в первый день съемок, в январе, на кухне квартиры на юге Лондона, в которой шли съемки, а закончил в мае, в отеле одного городишки в южной Калифорнии.

В августе того же года роман вышел в издательстве Би-би-си. Когда же «Никогде» захотели издать в «Avon Books», я страшно обрадовался. Для меня это была возможность переработать книгу. Я заперся в отеле Всемирного торгового центра и целую неделю работал. Кое-что добавил для американских читателей, которые могут не знать, где находится Оксфорд-стрит и чем она примечательна. Я с удовольствием трудился над текстом, совершенствуя его и, по возможности, углубляя. Дженнифер Херши — редактор из «Avon Books» — была очень проницательна и оказалась отличным профессионалом, хотя мы с ней и разошлись во мнениях относительно шуток. Они ей не нравились, и она считала, что американцы не поймут юмор в заведомо не юмористическом произведении. Кроме того, она предложила избавиться от второго пролога — того, где мы впервые встречаем Крупа и Вандемара. И, хотя мне было жаль с ним расстаться, я переместил их описание в текст романа.^[3]

В результате я добавил двенадцать тысяч слов и немало этих самых тысяч убрал. С некоторыми словами я расставался с удовольствием, а кое-каких мне до сих пор жаль.

Это издание вобрало в себя «английскую» и «американскую» версию; здесь мне удалось объединить разные варианты книги (спасибо Питу Аткинсу из издательства «Hill House»). От чего-то я отказался, и вот родилась новая и — надеюсь — окончательная версия (да простят меня библиографы!).

Я принципиально не пишу продолжений. И все же в мир Нижнего Лондона мне хочется вернуться. В книге «Затерянные реки Лондона» я вычитал, что в канализации однажды нашли медную кровать, и до сих пор непонятно, как она туда попала.

Могу поспорить, что маркиз Карабас в курсе.

Нил Гейман

28 июля 2005 года

Совершенно иной пролог. Четыреста лет назад

Это было в середине шестнадцатого столетия, в Тоскане. Шел дождь — холодный, противный дождь, от которого все вокруг кажется серым.

Над небольшим монастырем на холме поднимался дым — черный на фоне бледного утреннего неба.

На склоне расположились двое. Они с интересом наблюдали, как занимается пламя.

— Знаете, мистер Вандемар, — сказал тот, что пониже, — это будет великолепнейший пожар! — Он ткнул грязным пальцем в сторону монастыря. — Впрочем, полагаю, его обитатели, по понятной причине, не смогут в полной мере оценить великолепие зрелища.

— Потому что погибнут раньше, мистер Круп? — уточнил второй, пережевывая крупные куски мяса, которые он отрезал от тушки щенка.

— О да, *intelligenti* рауса!^[4] Ты правильно понял, мой мудрый друг: они все умрут раньше.

Сразу скажу, собеседников трудно спутать.

Во-первых, мистер Вандемар на две с половиной головы выше мистера Круга.

Во-вторых, у мистера Круга глаза бледно-голубые, а у мистера Вандемара — карие.

В-третьих, у мистера Вандемара на правой руке четыре кольца в форме вороньих черепов. Мистер Круп же не питает страсти к украшениям.

В-четвертых, мистер Круп любит красиво говорить, а мистера Вандемара больше интересует еда.

Налетел порыв ветра, и пожар разгорелся сильнее.

— Не люблю пауков, — сообщил мистер Вандемар. — Невкусные.

Послышался пронзительный вопль, и крыша здания с грохотом обвалилась, а пламя охватило стены.

— Похоже, не все умерли до пожара, — заметил мистер Круп.

— Ну, теперь-то уж все, — сказал мистер Вандемар, отрезая себе еще сырой собачатины. Обед он нашел в канаве по дороге к монастырю. Вот что значит шестнадцатый век! — Что теперь?

Мистер Круп ухмыльнулся. Зубы у него были страшнее, чем у покойника.

— Теперь — на четыреста лет вперед, — объявил он. — В Нижний Лондон.

Мистер Вандемар проглотил информацию вместе с мясом щенка.

— А там чего? Убивать?

— О да! — кивнул мистер Круп. — Убивать — это непременно!

Накануне отъезда в Лондон Ричард чувствовал себя скверно. Вечер начался неплохо. Он получил кучу открыток с трогательными напутствиями, знакомые дамы — вполне симпатичные — горячо обнимали его на прощанье, друзья советовали держать ухо востро в «этом жутком городе» и подарили белый зонт с картой лондонского метро, который купили вскладчину. Первые две кружки пива тоже были ничего, но дальше... с каждым следующим глотком ему делалось все тоскливее...

В итоге Ричард оказался на улице. Он сидел на тротуаре перед пабом в шотландском городишке и прикидывал: стошнит его или нет.

Да, Ричарду было совсем не весело.

Внутри, в пабе, друзья шумно праздновали его отъезд, и в их веселье мерещилось что-то зловещее. Ричард крепче сжал сложенный зонтик и невольно подумал, что переезд на юг, в Лондон, может оказаться большой ошибкой.

— Гляди, милый, — послышался надтреснутый старушечий голос, — глазом не успеешь моргнуть, как прогонят ко всем чертям... А то и за решетку упекут. Это запросто. Ну, ты как?

Ричард встретился взглядом с бабкиными проницательными глазками, утопавшими по бокам длинного птичьего носа.

— Да... ничего.

Он выглядел совсем мальчишкой — с чистой белой кожей, темными волнистыми волосами и огромными ореховыми глазами, которые смотрели растерянно, будто его застали врасплох. Эта растерянность и делала Ричарда привлекательным (хотя сам он удивлялся, что девушки в нем находят).

На грязной физиономии старухи мелькнула улыбка.

— На, возьми. — Она сунула ему пятьдесят пенсов. — Давно на улице?

— Нет-нет, я не бездомный, — смущенно забормотал он, пытаясь вернуть монетку. — Возьмите. Мне не надо. Я только вышел на минутку. Между прочим, завтра уезжаю в Лондон, — зачем-то сообщил он.

Она смерила его подозрительным взглядом и забрала монетку. Пятьдесят пенсов исчезли в складках кофта и платков, в которые она была обмотана.

— Бывала я в Лондоне. Я там замуж вышла. Но он оказался подлецом. Говорила мне мать: выходить надо за своих, но я была молодая, красивая — теперь-то по мне не скажешь, — и я его любила...

— Не сомневаюсь, — пробормотал Ричард, окончательно смутившись.

Тошнота постепенно отступала.

— Ну, ничего хорошего из этого не вышло. Я сама нищенствовала — знаю, каково это. Вот и подумала, что ты тоже. Тебе зачем в Лондон-то?

— Я нашел там работу, — с гордостью сообщил он.

— Что за работа?

— Э-э... инвестирование.

— А я была танцовщицей, — заявила старуха и неуклюже затопала по тротуару, фальшиво напевая себе под нос.

Наконец, качнувшись из стороны в сторону, как игрушечный волчок перед тем, как остановиться, она замерла перед Ричардом.

— Покажи ладонь. И я скажу, что тебя ждет.

Он дал ей руку. Она крепко в нее вцепилась, посмотрела и вдруг заморгала, как сова, подавившаяся мышью.

— Тебя ждет дальняя дорога... — проговорила она.

— В Лондон, — подсказал Ричард.

— Нет, не в Лондон... — старуха задумалась. — По крайней мере, не в тот Лондон, где я бывала. — Начал накрапывать дождь. — Ничего не понимаю... Но начнется все с дверей.

— С дверей?

Она кивнула. Дождь усилился, тяжелые капли глухо застучали по крышам и по асфальту.

— Ну да. На твоём месте я бы поостереглась дверей.

Ричард поднялся на ноги и пошатнулся.

— Ладно, — сказал он, плохо представляя, что в таких случаях говорят. — Буду остерегаться дверей. Спасибо.

Дверь паба распахнулась, и на улицу вырвались свет и смех.

— Ричард, ты там живой?

— Живой. Иду.

Старуха уже ковыляла по узкой улице под проливным дождем — потоки воды стекали с одежды. Ричарду захотелось что-то для нее сделать. Только что? Денег ей не дашь. Он бросился вдогонку. Ледяные струи хлестали по лицу.

— Возьмите, — сказал он, лихорадочно нашаривая кнопку. С легким хлопком зонт раскрылся, и над ними расцвела карта лондонского метро: каждая линия своего цвета, все станции подписаны.

Старушка взяла зонт и благодарно улыбнулась.

— У тебя доброе сердце, — проговорила она. — Этого бывает достаточно, чтобы не пропасть... — она покачала головой, — но чаще всего одной доброты мало.

Она крепко вцепилась в зонт. Ветер рвал его из рук, норовя вывернуть наизнанку. Придерживая край зонта и согнувшись чуть не до земли под жестоким ветром и ледяным дождем, старуха побрела дальше. И вскоре белое пятнышко, испещренное названиями лондонских станций: «Эрлс-корт», «Марбл-арч», «Блэкфрайрз», «Уайт Сити», «Виктория», «Энджел», «Оксфорд-сиркус», — растворилось в ночи.

А в хмельную голову Ричарда вдруг пришла странная мысль: интересно, существует ли на самом деле цирк^[5] на Оксфорд-сиркус, настоящий цирк, с клоунами и прекрасными акробатками, с дикими зверями... Дверь паба снова открылась, шум голосов стал отчетливее, словно кто-то прибавил громкость.

— Черт, Ричард, ведь эта долбаная вечеринка — в твою честь! Пропустишь самый кайф.

Он вернулся в паб. После странного происшествия на улице тошнота окончательно прошла.

— Ты похож на мокрую дохлую крысу, — сообщил кто-то.

— Ты никогда не видел дохлой крысы, — бросил Ричард.

Ему вручили большой стакан виски.

— На, выпей. Хоть согреешься. В Лондоне-то настоящего скотча нет.

— Сомневаюсь, — вздохнул Ричард. Вода капала с его волос прямо в виски. — Мне кажется, в Лондоне есть все.

Он осушил стакан, и тут же кто-то протянул ему следующий. А потом вечер расплылся, разлетелся на осколки. Впоследствии осталось только смутное чувство, будто он променял

что-то маленькое и разумное на нечто огромное, древнее, иррациональное. Он смутно помнил, как на рассвете его рвало в канаву, в которой бурлили потоки дождевой воды. Помнил белое пятнышко с разноцветными линиями, похожее на круглого жучка, уползающего все дальше и дальше под проливным дождем.

На следующее утро Ричард сел в поезд до Лондона. Впереди были шесть часов дороги, которая приведет его к удивительным готическим шпилям и аркам вокзала Сент-Панкрас. Мать дала ему пирог с грецкими орехами и чай в термосе. Ричард Мэхью отправился в Лондон, чувствуя себя хуже некуда.

Лихорадочная гонка по туннелям продолжалась уже четыре дня. Она бежала, спотыкаясь, падая и снова вставая. Она давно не ела, совсем обессилела, была измучена, и каждая следующая дверь давалась ей все труднее. К концу четвертого дня ей удалось найти укрытие — крошечный закуток глубоко под землей. Здесь можно наконец выспаться, здесь безопасно — решила она, искренне надеясь, что так оно и есть.

* * *

Мистер Круп нанял Росса на Плавучем рынке, который на этот раз проходил в Вестминстерском аббатстве.

— Считай, что это наш кенар, — сообщил он мистеру Вандемару.

— Будет нам петь? — удивился тот.

— Это более чем маловероятно, — ответил мистер Круп, приглаживая свои гладкие рыжие волосы. — Называя его кенаром, я думал не о вокальных данных этой птицы, а о том, как ее используют шахтеры.

Мистер Вандемар кивнул. «Ага, точно, канарейка в шахте», ^[6] — наконец дошло до него.

В самом деле, мистер Росс был ничуть не похож на кенара: огромный (почти как мистер Вандемар), грязный, бритый наголо и немногословный. Впрочем, он сообщил Круп и Вандемару, что обожает убивать и считает себя в этом деле профессионалом, чем ужасно их насмешил — как насмешил бы Чингисхана юный монгол, похваляющийся тем, что впервые сжег юрту или разграбил селение. Он был кенаром и даже не подозревал об этом. Итак, мистер Росс, в грязной футболке и заношенных джинсах, шел впереди, а Круп и Вандемар — в элегантных костюмах — за ним.

Чтобы вы не спутали мистера Крупа и мистера Вандемара, сразу скажу, как их различать.

Во-первых, мистер Вандемар на две с половиной головы выше мистера Крупа.

Во-вторых, у мистера Крупа глаза бледно-голубые, а у мистера Вандемара — карие.

В-третьих, у мистера Вандемара на правой руке четыре кольца в форме вороньих черепов. Мистер Круп же не питает страсти к украшениям.

В-четвертых, мистер Круп любит красиво говорить, а мистера Вандемара больше интересует еда.

И вообще, они ничуть не похожи.

Что-то прошуршало в темноте. Секунда — и нож, который мистер Вандемар держал в руке, вонзился в стену в тридцати футах от них и замер подрагивая. Мистер Вандемар подошел и выдернул нож из стены. На лезвие была насажена серая крыса. В предсмертной агонии она хватала ртом воздух. Мистер Вандемар зажал ее голову между большим и указательным пальцем и с хрустом раздавил череп.

— Ну вот, эта крыса уже никого не сможет предать, — заметил мистер Круп и засмеялся собственной шутке. Мистер Вандемар молчал. — До тебя дошло?

Мистер Вандемар снял с лезвия ножа крысиный труп, откусил голову и принялся задумчиво жевать. Мистер Круп вышиб крысу у него из рук.

— Хватит! — Мистер Вандемар обиженно убрал нож. — Выше нос, — ободрил его мистер Круп. — Найдешь себе другую крысу. А сейчас — вперед. Людей убивать, себя показать.

* * *

Три года жизни в Лондоне не изменили Ричарда, хотя сам город он стал воспринимать иначе. По книгам и фотографиям Лондон представлялся ему серым, даже черным, а оказалось, что он яркий, разноцветный. Красный кирпич, белый камень, алые автобусы, толстопузые черные такси (которые оказывались вовсе не черными, а золотыми, зелеными и коричневыми — чем сперва ужасно его удивляли), ярко-красные почтовые ящики, зеленые парки и кладбища.

В этом городе исконно древнее и возмутительно новое теснят друг друга — не нагло, но без всякого почтения. Это город магазинов и офисов, ресторанов и домов престарелых, парков и церквей, памятников, которые никто не замечает, и дворцов, совсем не похожих на дворцы; город неповторимых районов с удивительными названиями — Кроуч-энд, Чолк-фарм, Эрлс-корт, Марбл-арч. Шумный, грязный, радостный, беспокойный город, который живет туризмом и презирает туристов; город, в котором средняя скорость движения ничуть не выросла за последние три столетия, несмотря на пятьсот лет лихорадочных попыток расширить улицы и помирить пешеходов и транспортные средства (будь то телеги, экипажи или автомобили). Город, населенный (и перенаселенный) представителями всех рас, всех социальных слоев и самых разнообразных вкусов и пристрастий.

Когда Ричард только приехал, Лондон показался ему огромным, странным и запутанным. Единственным, что было логичным в этом хаосе, это карта метро — сеть изящных разноцветных линий. Однако со временем он понял, что метро дает лишь иллюзию порядка, а на самом деле вовсе не отражает истинной географии города. «Точно так же, как принадлежность к политической партии...» — однажды подумал он и сам порадовался такой остроумной мысли. Однако после того как на вечеринке он безуспешно пытался толковать о сходстве между метро и политическими партиями с малознакомыми людьми, он зарекся впредь говорить о политике.

Постепенно Ричард все лучше узнавал город. Этот процесс, сходный с осмосом^[7] или белым знанием (которое по сути то же, что «белый шум»,^[8] только более информативно), пошел быстрее, когда Ричард обнаружил, что площадь лондонского Сити не больше квадратной мили — от станции «Элдгейт» на востоке до «Флит-стрит» и «Олд Бейли» на западе: крошечный клочок земли, на котором скопились все финансовые учреждения Лондона, тот самый клочок, с которого все и началось.

Две тысячи лет назад Лондон был кельтской деревушкой на северном берегу Темзы, которую облюбовали для себя римляне. Он рос и рос, медленно и неспешно, пока тысячу лет назад его западная часть не достигла Вестминстера — королевской резиденции, а потом появился Лондонский мост, город соединился с Саутворком и с тех пор стал расти все быстрее: шумные улицы возникли на месте полей, лесов и болот, а город стремительно разрастался, вбирая в себя деревушки, как лужица ртути притягивает ртутные шарики. Уайтчепел и Дептфорд на востоке, Хэммерсмит и Шепердс-буш на западе, Кэмден и Ислингтон на севере, Баттерси и Лэмбет за Темзой на юге — все они растворялись

в Лондоне, оставляя после себя одни названия.

Лондон вырос и стал огромным и разнородным. Это был хороший город, и те, кто здесь оказался, вынуждены были дорого платить — потому что за все хорошее приходится платить. Впрочем, и сам город заплатил немало.

Некоторое время спустя Ричард стал воспринимать Лондон как данность, он начал гордиться, что не видел ни одной из его достопримечательностей (если не считать Тауэра, куда ему пришлось повести тетю Мод, приехавшую ненадолго погостить).

Но Джессика все изменила. По выходным Ричард шел с ней то в Национальную галерею, то в галерею Тейт, то еще куда-нибудь; и он узнал, что, если долго ходить по музеям, ноги начинают страшно болеть, а все шедевры мировой живописи сливаются в одно полотно, и просто уму непостижимо, сколько приходится выкладывать в музейных кафетериях за чашку чая и кусок пирога.

— Вот чай и эклер, — говорил он. — Дешевле было бы купить картину Тинторетто.

— Не преувеличивай, — беззаботно отвечала Джессика. — К тому же в Тейт нет Тинторетто.

— Ну, если бы я взял кусок вишневого торта, — ворчал Ричард, — они смогли бы приобрести еще одно полотно Ван Гога.

— Нет, не смогли бы, — возражала Джессика, которая во всем любила точность.

Ричард познакомился с ней два года назад в Париже, куда приехал на несколько дней. Он бродил по Лувру, пытаясь найти своих коллег, организовавших поездку во Францию. Глядя на какую-то внушительных размеров скульптуру, сделал шаг назад и наткнулся на Джессику, которая рассматривала огромный алмаз, сыгравший необыкновенную роль в истории. Ричард попытался извиниться по-французски, хотя французского не знал, потом бросил эту бессмысленную затею и принялся извиняться по-английски, потом стал извиняться по-французски за то, что вынужден извиняться по-английски, и наконец обнаружил, что в Джессике нет абсолютно ничего французского и она самая настоящая, стопроцентная англичанка. Однако к тому времени, в качестве компенсации за причиненный ущерб, он уже успел купить ей чрезвычайно дорогой сэндвич и невероятно дорогой яблочный сок. Собственно, с этого все и началось. С тех пор ему так и не удалось добиться от Джессики понимания в том, что он терпеть не может музеи.

Если они не собирались в музей, Джессика тащила его по магазинам в Найтсбридж, до которого от ее квартиры в Кенсингтоне можно было очень быстро дойти пешком и смехотворно быстро доехать на такси. Ричард плелся за ней по гигантским, внушавшим ужас торговым комплексам, таким, как «Хэрродс» и «Харвей Николс», где Джессика покупала абсолютно все — от украшений и книг до продуктов на неделю.

Красивая, неглупая и амбициозная Джессика восхищала Ричарда. Она же видела в нем огромный потенциал и была уверена, что умелая женская рука сможет вылепить из него идеального жениха. Досадую, что ему не хватает целеустремленности, она дарила ему книги вроде «Успех для всех», «Сто двадцать пять полезных привычек делового человека» и им подобные, в которых рассказывалось, что к карьере надо подходить как к военной кампании. Принимая эти книги, Ричард неизменно благодарил ее и в самом деле собирался их прочесть. В отделе мужского платья «Харвей Николс» она подбирала ему то, что, по ее мнению, он должен был носить, — и он это носил, во всяком случае, по будням. А через год после знакомства она сказала, что пора выбирать обручальное кольцо.

— Что ты в ней нашел? — спросил Гарри из отдела корпоративных финансов полтора

года спустя. — Это же просто чудовище.

Ричард покачал головой.

— Неправда. Она очень милая. Ты плохо ее знаешь.

Гарри поставил на место пластмассового тролля, которого взял у Ричарда со стола.

— Удивительно, как она еще не запретила тебе играть в игрушки.

— Не знаю, мы об этом не говорили, — ответил Ричард и сам взял одного из троллей — с ярко-апельсиновыми волосами и выражением потерянности на морде.

На самом деле они с Джессикой о троллях говорили. И в конце концов она убедила себя, что тролли для Ричарда — это как ангелы для мистера Стоктона: экстравагантное, но безобидное увлечение. Джессика как раз занималась организацией выставки: коллекция ангелов мистера Стоктона должна была проехать по всей стране, — и пришла к выводу, что все великие люди что-нибудь коллекционировали. На самом деле Ричард вовсе не коллекционировал троллей. Просто однажды подобрал на улице забавную игрушку, а затем, в неосознанной и, разумеется, тщетной попытке привнести что-то свое в обезличенный мир офиса, поставил тролля себе на монитор. Остальные появились в следующие несколько месяцев — их подарили коллеги, заметившие любовь Ричарда к маленьким уродцам. Он расставил их на столе между телефонами и рамкой с фотографией Джессики, к которой накануне приклеил желтую бумажку.

Был вечер пятницы. Ричард давно заметил, что неприятности трусливы — они никогда не ходят поодиночке, а собираются в стаи и атакуют все разом. Вот например в эту пятницу. Целый месяц Джессика твердила ему, что это самый важный день в его жизни. Не в *ее* жизни, понятное дело. Величайший день в *ее* жизни еще впереди, когда она станет премьер-министром, королевой или богиней, — как считал Ричард. Но это было безусловно самый важный день в *его* жизни. И ужас в том, что несмотря на желтую бумажку на дверце холодильника, несмотря на такую же бумажку на фотографии Джессики, он напрочь об этом забыл.

А еще давно надо было сдать отчет по Вендсворту. Он-то и занимал сейчас Ричарда больше всего. Проверив очередной столбец цифр, он вдруг заметил, что не хватает семнадцатой страницы. Распечатал ее заново, просмотрел еще страницу, мечтая только о том, чтобы случилось чудо и телефон не зазвонил... Но он зазвонил. Ричард включил громкую связь.

— Алло! Ричард! Финансовый директор интересуется, когда он получит отчет.

Ричард посмотрел на часы.

— Да, Сильвия, через пять минут. Уже почти все. Только вложу отчет о прибылях и убытках.

— Спасибо, Дик. Я зайду через пять минут.

Сильвия была секретарем финансового директора, очень этим гордилась и неустанно демонстрировала деловитость.

Едва Ричард выключил связь, телефон зазвонил снова.

— Ричард, — послышался голос Джессики. — Это Джессика. Ты ведь не забыл?

— О чем? — пробормотал Ричард, пытаясь вспомнить, что же он мог забыть.

В надежде найти ответ он бросил взгляд на фотографию Джессики — и ответ нашелся на желтой бумажке, приклеенной ей на лоб.

— Ричард! Возьми трубку.

Он взял, перечитывая написанное на бумажке.

— Прости, Джесс. Нет, я не забыл. В семь часов в «Итальянском дворике». Встречаемся на месте?

— Джессика, а не Джесс. — Она на секунду умолкла. — После того, что было в прошлый раз? Нет уж. Ты заблудишься даже на лужайке перед домом!

Ричард хотел сказать, что *любой* может перепутать Национальную галерею с Национальной портретной галереей и что не *она* же простояла весь день под проливным дождем (впрочем, он считал, что это ничуть не хуже, чем бродить по любой из означенных галерей, пока ноги не отвалятся), — но смолчал.

— Я найду за тобой, — объявила Джессика. — Пойдем туда вместе.

— Хорошо, Джесс. То есть, прости, Джессика.

— Ричард, ты ведь *подтвердил* заказ?

— Конечно, — бодро соврал Ричард. У него на столе истошно заверещал другой телефон. — Джессика, я тут...

— Отлично, — ответила Джессика и повесила трубку.

Одной из самых дорогостоящих покупок в жизни Ричарда стало обручальное кольцо для Джессики, которое он приобрел полтора года назад в «Хэрродс» — со скидкой, разумеется.

Он снял трубку со второго телефона.

— Салют, Дик, — сказал Гарри. — Это я, Гарри. — Гарри сидел через несколько столов от Ричарда и махал ему из-за своего сверкающего чистотой стола, на котором, разумеется, не было никаких троллей. — Ну как, все в силе? Помнишь, мы собирались выпить и обсудить ситуацию с «Мерстэм»?

— Гарри, хватит названивать. Конечно, все в силе, — буркнул Ричард и повесил трубку.

На желтой бумажке, внизу, был номер телефона — он сам его записал несколько недель назад, когда оставил это напоминание самому себе. И он действительно заказал столик — кажется. Но не подтвердил заказ. Все собирался, но забегался... да и времени еще оставалось вполне достаточно. Однако неприятности ходят стаями...

У его стола возникла Сильвия.

— Дик, где отчет?

— Сейчас, Сильвия. Подожди секундочку. — Он застучал по кнопкам телефона и облегченно вздохнул, когда на том конце ответили:

— «Итальянский дворик». Слушаю вас.

— Мне нужен столик на троих, — выдохнул Ричард, — сегодня. Я, кажется, заказывал. Если да, то я подтверждаю бронь. А если нет, то хотел бы заказать его сейчас. Если можно.

Оказалось, никто не бронировал столик на сегодня на имя Мэхью. И на имя Стоктона тоже. И на Бартрам (фамилия Джессики). А заказать *сейчас*...

Самым неприятным был даже не отказ, а то, каким тоном ему отказали. Этот тон подтверждал, что столик *на сегодня* следовало заказать давным-давно. Возможно, это должны были сделать родители еще до его рождения. А *теперь* заказать столик *на сегодня* абсолютно невозможно. Даже если папа римский, премьер-министр Великобритании и президент Франции явятся в «Итальянский дворик», заранее не заказав столик и не подтвердив заказ, они будут изгнаны оттуда с позором.

— Понимаете, это для босса моей невесты. Конечно, я должен был позвонить заранее. Но ведь нас только трое, неужели нельзя как-нибудь...

На том конце повесили трубку.

— Ричард! Финансовый директор ждет! — напомнила Сильвия.

— Как думаешь, если я перезвоню и предложу им денег, у них найдется столик?

* * *

Ей снилось, что они снова дома — все вместе: родители, брат и малышка-сестренка. Бледные и серьезные, все стоят в зале и смотрят на нее. Порция, мама, погладила ее по щеке и сказала, что ей грозит опасность. Во сне Дверь улыбнулась: «Знаю». Мама покачала головой. «Нет. Нет. Опасность грозит тебе *сейчас*. Прямо *сейчас*».

Девушка открыла глаза. Тихо и очень медленно дверь отворялась. Она затаила дыхание. Послышались осторожные шаги по каменному полу. *Может, он меня не заметит*, подумала она. *Может, уйдет*. И вдруг, в отчаянии: *Как же хочется есть!*

Шаги нерешительно замерли. Она знала, что хорошо спряталась — ее не видно под газетами и тряпьем. И очень может быть, что тот, кто пришел, не желает ей зла. *Слышит ли он, как у меня бьется сердце?* Шаги вновь стали приближаться. Она знала, что должна сделать. Ей было страшно. Чья-то рука откинула тряпье, и она увидела безбровое лицо, искажившееся нехорошей ухмылкой. Она откатилась в сторону и изогнулась — лезвие, которое должно было вонзиться ей в грудь, угодило в предплечье.

До сих пор она не думала, что сможет. Ей казалось, у нее не хватит смелости, она никогда не будет настолько напугана, в таком отчаянии, чтобы сделать это. Но она протянула руку к его груди и *открыла...*

Он охнул и повалился на нее. Стало мокро, жарко и скользко. Она выползла из-под него и бросилась прочь из своего убежища.

В туннеле — узком, с низким потолком — тяжело дыша, она привалилась к стене и захлебнулась рыданиями. На этого человека ушли последние силы. Она совсем выдохлась. Левое предплечье пульсировало. *Нож*, вспомнила она и вздохнула: зато теперь ей ничто не угрожает.

— Ай-ай-ай, — слышалось откуда-то справа, из темноты. — Ей удалось уйти от мистера Росса. Вот уж никогда бы не подумал, мистер Вандемар, — протянул голос, тягучий, как серая слизь.

— Я тоже, мистер Круп, — отозвался кто-то слева.

Вспыхнул дрожащий свет.

— Однако, — проговорил мистер Круп. Его глаза блестели во мраке туннеля, — от нас ей не уйти.

Дверь со всей силы ударила его коленом в живот, зажала правой рукой рану и помчалась куда глаза глядят.

Она спаслась.

* * *

— Дик!

Ричард отмахнулся. Теперь у него почти все под контролем. Еще чуть-чуть...

— Дик! — повторил Гарри. — Уже полседьмого.

— *Сколько?!*

Документы, карандаши, таблицы, тролли полетели в портфель. Он защелкнул застёжки и побежал, на ходу накидывая плащ.

Гарри трусил за ним.

— Эй, так как насчет выпить?

— Выпить?

— Мы же хотели сегодня обсудить ситуацию с «Мерстэм». Забыл?

Так это сегодня? Ричард на секунду замер, подумав о том, что если бы неорганизованность стала олимпийским видом спорта, он мог бы с честью выступить за свою страну.

— Гарри, прости. Не получится. Я сегодня должен встретиться с Джессикой. Мы ведем в ресторан ее босса.

— Мистера Стоктона? *Того самого* Стоктона?

Ричард кивнул. Они сбежали по ступенькам.

— Что ж, желаю хорошо провести время, — проговорил Гарри совершенно неискренне. — Как там твоё чудовище из Черной Лагуны?

— Джессика из Илфорда. Её любовь по-прежнему согревает меня. Спасибо, что спросил, Гарри.

Они вышли в холл. Ричард бросился к автоматическим дверям, которые, разумеется, не открылись.

— Уже полседьмого, мистер Мэхью, — сообщил охранник, мистер Фиджис. — Вам придется расписаться.

— Вот уж не вовремя, — проворчал Ричард себе под нос. — Совсем не вовремя.

От охранника пахло какой-то мазью. Поговаривали, что у него энциклопедическая коллекция мягкого порно. Он охранял вход с каким-то болезненным энтузиазмом — после того случая, когда пропало все компьютерное оборудование с целого этажа, а также две пальмы в кадках и аксминстерский^[9] ковер финдиректора.

— Значит, посидеть не получится?

— Прости, Гарри. Давай в понедельник, а?

— Ну хорошо, до понедельника.

Мистер Фиджис внимательно изучил их подписи и, убедившись, что они не выносят ни компьютеров, ни пальм, ни ковров, нажал на кнопку, и дверь открылась.

— Ну да, двери, — сказал Ричард, словно что-то припоминая.

* * *

Туннель раздвоился. Она выбрала наугад. Бежала и бежала, отталкиваясь то от одной стены, то от другой, и постоянно спотыкаясь. Мистер Круп и мистер Вандемар шли за ней — спокойно и беззаботно, как викторианские государственные мужи, прогуливающиеся по Великой выставке в Хрустальном дворце.^[10] Когда они оказывались на перепутье, мистер Круп наклонялся и выискивал на полу капельку крови. Они были словно гиены, терпеливо ожидающие, пока жертва выдохнется. Они никуда не торопились. Время принадлежало им.

Ричарду наконец улыбнулась удача: он поймал такси. На редкость жизнерадостный водитель провез Ричарда по таким улочкам, о существовании которых тот даже не подозревал, бодро рассуждая о политике, росте преступности и пробках на дорогах — как рассуждают все лондонские таксисты, если пассажир жив и говорит по-английски. Ричард выскочил из такси, оставив водителю хорошие чаевые и свой портфель, потом умудрился тормознуть такси, прежде чем оно вырулило из переулка, и забрать портфель, взлетел по лестнице и вбежал в квартиру, раздеваясь на ходу. Он ловко швырнул портфель через всю комнату прямоком на диван. Ключи Ричард достал из кармана и предусмотрительно положил на тумбочку в коридоре — чтобы не забыть.

Когда он ворвался в спальню, зазвонил домофон. На ходу натягивая свой лучший костюм, Ричард бросился в коридор.

— Ричард? Это Джессика. Надеюсь, ты готов.

— Да, конечно. Уже спускаюсь.

Он накинул плащ и, выскочив на площадку, захлопнул за собой дверь.

Джессика как всегда ждала его внизу у лестницы. Она не любила его квартиру — там все было противно ее женской натуре. В самом неожиданном месте можно было обнаружить его трусы, на раковине в ванной засохли капли зубной пасты — нет, это было совсем не подходящее место для Джессики.

При виде нее Ричард в очередной раз удивился, до чего же она красива. Он нередко ловил себя на том, что откровенно любит ее, недоумевая: *Как такая женщина могла выбрать меня?* Но когда они занимались любовью в квартире Джессики в фешенебельном Кенсингтоне, на ее медной кровати, под накрахмаленными льняными простынями (ее родители говорили, что пуховые одеяла — признак дурного вкуса) — он обнимал ее в темноте, ее каштановые локоны рассыпались по его груди, она шептала ему, как сильно его любит, он шептал «люблю» в ответ, и — оба верили, что так оно и есть.

— Глядите-ка, мистер Вандемар. Она бежит уже не так быстро.

— Это верно, мистер Круп.

— Должно быть, потеряла много крови.

— Славной крови. Славной, липкой крови.

— Ждать уже недолго.

Раздался щелчок — это открылся пружинный нож. Звонкий, одинокий звук в темноте.

— Ричард, что ты делаешь?

— Ничего.

— Ты опять забыл ключи?

— Нет.

Ричард прекратил поиски и сунул руки в карманы плаща.

— Значит, так. Когда будешь говорить с мистером Стоктоном, помни: это не просто важная персона, это еще и целая компания в одном лице.

— Прямо не терпится с ним познакомиться, — вздохнул Ричард.

— Ричард, что это значит?

— Честно, жду не дождусь! — сказал он уже бодрее.

— Ты можешь идти скорее? — спросила Джессика. Если бы она не была самым совершенством, можно было бы предположить, что она начала терять терпение. — Мы не имеем права опаздывать.

— Конечно, Джесс.

— Ричард! Не называй меня так. Терпеть не могу уменьшительные имена. Они принижают!

— Подайте монетку! — протянул человек, сидевший на тротуаре. У него была желтоватая седая борода и ввалившиеся темные глаза. На шее на растрепанной бечевке висела картонка, извещавшая, что он бездомный и голодный. Впрочем, это и так было понятно. Ричард сунул руку в карман и принялся искать мелочь.

— Ричард! У нас нет времени, — сказала Джессика, которая периодически делала пожертвования благотворительным организациям и вкладывала свои средства исключительно в полезные для общества мероприятия. — Так вот, я хочу, чтобы ты произвел на мистера Стоктона хорошее впечатление. Ведь ты мой жених! Мне очень важно, чтобы ты понравился мистеру Стоктону. — Тут ее лицо исказилось в умильной гримасе, она на секунду прижалась к Ричарду и прошептала: — Я же *так* тебя люблю! Ты ведь знаешь, что я тебя люблю?

Ричард кивнул: да, он знал, что она его любит.

Джессика посмотрела на часы и зашагала быстрее. Ричард незаметно бросил монетку в один фунт — и человек на тротуаре ловко поймал ее грязной ладонью.

— Столик заказал? Все в порядке? — спросила Джессика, и Ричард, который не умел врать, когда его спрашивали напрямую, выдал только:

— Э-хм...

* * *

Она свернула не туда — и уперлась в тупик. Раньше бы ее это не остановило, но сейчас она была голодна, ранена и измучена... Она прижалась щекой к грубой кирпичной кладке и тяжело дышала, захлебываясь рыданиями. Рука у нее была холодная, а ладонь онемела. Она чувствовала, что это конец. Свет начал меркнуть. Ей хотелось лечь и заснуть на сто лет.

— Клянусь всеми уголками моей черной души! Мистер Вандемар, вы это видите? — послышался голос. Оказывается, преследователи были ближе, чем она думала. — Моим глазам предстало нечто такое...

— Что мы сейчас уьем, мистер Круп, — подхватил другой голос.

— Наш босс будет в восторге.

Девушка собрала последние силы, почерпнутые из глубин боли, страха и отчаяния. Она выдохлась, она разбита, она больше ничего не может. Бежать некуда, сил нет, времени нет.

— Пусть это будет последняя дверь, которую мне удастся открыть, — взмолилась она, обращаясь к Темплу и Арке.^[11] — Пусть она ведет куда угодно, куда-нибудь, где безопасно... — и в отчаянии добавила: — *К кому-нибудь.*

Уже теряя сознание, она попыталась открыть дверь.

Когда темнота объяла ее, она услышала голос мистера Крупа, прозвучавший откуда-то издалека. Он сказал:

— Черт ее подери!

* * *

Джессика и Ричард шли к ресторану. Она держала его под руку и бодро стучала каблучками по тротуару. Ричард с трудом выдерживал этот темп. Уличные фонари и витрины уже закрывшихся магазинов освещали им путь. Они миновали череду призрачных зданий, темных и заброшенных, за высоким кирпичным забором.

— Ты правда пообещал им пятьдесят фунтов за столик?! Ричард, ты идиот! — глаза Джессики сердито сверкнули. Его рассказ не показался ей забавным.

— У них почему-то не оказалось записи о моем заказе. И они сказали, что все столики забронированы.

Их шаги гулким эхом отдавались от стен.

— Теперь нас наверняка посадят рядом с кухней, — вздохнула Джессика. — Или у входа. Ты сказал им, что это для мистера Стоктона?

— Да.

Она снова вздохнула и потащила Ричарда дальше. Вдруг впереди открылась дверь и кто-то шагнул на улицу. Секунду, показавшуюся очень долгой, человек покачивался из стороны в сторону, а потом рухнул на тротуар. Ричард вздрогнул и замер. Джессика резко дернула его вперед.

— Самое главное, запомни: ни в коем случае не перебивай мистера Стоктона и не вздумай с ним спорить — он этого терпеть не может. И обязательно смейся его шуткам. А если не поймешь, шутка это или нет, — посмотри на меня, я... м-м... буду барабанить пальцами по столу.

Они дошли до распростертой на асфальте фигуры. Джессика невозмутимо через нее перешагнула, а Ричард остановился.

— Джессика.

— Да, ты прав. Он может подумать, что мне скучно. — Джессика задумалась. — О! Точно! — Она просияла. — Если он пошутит, я коснусь уха.

— Джессика! — Он не мог поверить, что она не замечает человека на тротуаре.

— Что? — раздраженно спросила она, недовольная тем, что прервали ход ее мыслей.

— Гляди.

Он указал на тротуар. Человек в бесформенной, мешковатой одежде лежал лицом вниз. Джессика схватила Ричарда за руку.

— А, ну да. Знаешь, Ричард, если станешь обращать внимание на всяких бродяг, придется заниматься только ими. Поверь, у них у всех есть квартиры. Она проспится и придет в себя. — *Она?* Ричард пригляделся. В самом деле, это была *девушка*. Джессика между тем продолжала: — Я сказала мистеру Стоктону, что мы... — Ричард опустил на

колени. — Ричард! Что ты делаешь?!

— Она не пьяная, — проговорил он и, посмотрев на свои пальцы, добавил. — Она ранена. Вся в крови.

Джессика поглядела на него раздраженно.

— Мы опаздываем, — напомнила она.

— Но девушка *ранена*.

Джессика снова посмотрела на фигурку на тротуаре. Ричард никогда не умел расставлять приоритеты.

— Ричард, мы опоздаем. О ней позаботится кто-нибудь другой.

Лицо девушки было в грязи, а одежда — мокрая от крови.

— Она ранена, — просто повторил он. Джессика никогда прежде не видела его с таким лицом.

— Ричард, — строго проговорила она и вдруг смягчилась, найдя выход: — Позвони 999 и вызови «скорую». Только быстрее.

Девушка вдруг открыла глаза — огромные на маленьком грязном личике.

— Пожалуйста, не надо «скорую», — еле слышно проговорила она. — В больнице меня найдут. Отвезите меня куда-нибудь, где безопасно. Пожалуйста.

— Но вы ранены, — сказал Ричард и посмотрел туда, откуда она появилась. Никакой двери там не было — только глухая кирпичная стена. Он снова поглядел на хрупкую фигурку и спросил: — Почему вы не хотите в больницу?

— Помогите мне! — прошептала она и закрыла глаза.

— Почему вы так боитесь оказаться в больнице? — повторил он, но она не ответила.

— Когда будешь звонить в «скорую», — продолжала Джессика, — не называй своего имени. Иначе придется заполнять бумаги, и тогда мы точно опоздаем. А я никому не позволю испортить этот вечер... Ричард! Что ты делаешь?

Он осторожно взял девушку на руки и подивился, какая она легкая.

— Я отнесу ее к себе, Джесс. Нельзя же ее здесь оставить. Передай мистеру Стоктону мои извинения. Скажи, что случилось нечто непредвиденное. Уверен, он поймет.

— Ричард Оливер Мэхью, если ты сейчас же не опустишь эту девицу на землю, я разрываю нашу помолвку! — ледяным тоном объявила Джессика. — Серьезно тебя предупреждаю!

Чувствуя, как его рубашка становится мокрой и теплой от крови, Ричард вдруг понял, что иногда просто нет выбора.

И ушел.

Джессика осталась стоять на тротуаре, глядя вслед человеку, который взял и испортил такой важный вечер. На ее глаза навернулись слезы. Вскоре он скрылся из виду и тогда — и только тогда — Джессика позволила себе громко и неприлично выругаться: «Блядь!». Она швырнула сумочку на землю, и из нее вывалились мобильный телефон, помада, ежедневник, тампоны. Но поскольку ничего другого не оставалось, она собрала все обратно в сумочку и отправилась в ресторан, где ее ждал мистер Стоктон.

Позже, потягивая белое вино, она попыталась придумать достойное оправдание для своего жениха и решила объявить, что Ричард неожиданно скончался.

— Это случилось так внезапно... — промолвила она трагическим шепотом.

По дороге домой Ричард ни разу не задумался о том, что же он делает. От него ничего не зависело. Где-то в дальнем уголке сознания кто-то — точнее, нормальный, разумный Ричард Мэхью — говорил, что он повел себя как болван, что достаточно было вызвать полицию или «скорую», что поднимать раненого опасно, что он по-настоящему, серьезно обидел Джессику, что ему придется спать на диване, что он испортил свой единственный дорогой костюм, что от девушки ужасно воняет... но Ричард просто шел вперед, шаг за шагом, не обращая внимания, что руки болят и спину ломит и что прохожие странно на него косятся, — он просто шел. И вскоре добрался до своего дома, медленно поднялся по лестнице, оказался перед дверью квартиры — и только тогда сообразил, что забыл ключи на тумбочке в коридоре...

Но девушка вытянула свою грязную окровавленную руку — и дверь открылась.

Никогда бы не подумал, что буду рад, если замок можно будет открыть без ключа, подумал Ричард, внося девушку в квартиру и закрывая дверь ногой. Он положил ее на кровать. Его рубашка пропиталась кровью.

Девушка была в сознании: глаза закрыты, но веки подрагивали. Он снял с нее кожаную куртку и охнул, увидев длинный порез на левом предплечье.

— Послушай, я сейчас вызову врача, — негромко сказал он. — Ты меня слышишь?

Она открыла глаза — огромные и испуганные.

— Не надо, пожалуйста! Со мной все будет в порядке. Порез неглубокий. Мне бы только поспать... А врача не надо.

— Но рука...

— Завтра все будет в порядке... — еле слышно повторила она.

— Э-э... ну ладно, — согласился он. Тут в нем проснулся здравомыслящий Ричард: — Послушай, можно хотя бы узнать?..

Но она уже спала. Он достал из шкафа старый шарф с университетской символикой и туго перевязал рану. Не хотелось, чтобы она истекла кровью у него на кровати и умерла, прежде чем он успеет вызвать врача. Потом он вышел из спальни и бесшумно прикрыл дверь.

Сел на диван перед телевизором и задумался, что же он натворил.

Ричард где-то глубоко под землей: в туннеле, а может, в канализационной трубе. Свет то и дело мигает, не рассеивая темноту, а словно подчеркивая ее. Он не один. Рядом идут какие-то люди, но во мраке лиц не разобрать. Они бегут по канализационной трубе, разбрызгивая во все стороны грязь и нечистоты. Капли воды срываются с потолка и медленно падают во тьму, поблескивая в тусклом свете.

Он сворачивает за угол и видит зверя.

Зверь огромный, едва помещается в трубе. Он пригнул к земле голову, напружинил щетинистое тело. Из пасти у него вырывается пар — в трубе холодно. «Похож на кабана», — думает Ричард, но потом понимает, что это не так: кабаны гораздо мельче, а этот просто гигантский, как бык, как тигр, как автомобиль.

Зверь глядит на Ричарда, ему некуда спешить, он вполне может подождать, пока человек поднимет копье. Ричард чувствует, что сжимает копье, смотрит на руку, но это не его рука. Рука покрыта густыми черными волосами, а ногти грязные и длинные, как когти.

И тут зверь нападает.

Ричард бросает в него копье — слишком поздно. Он чувствует, как зверь пронзает его своими острыми, как бритвы, клыками, как течет кровь, смешиваясь с грязью у него под ногами, как жизнь постепенно покидает его. Он понимает, что упал лицом в воду, которая становится почти бордовой от крови. Ричард хочет закричать, проснуться, но не может даже вздохнуть. Он чувствует невыносимую боль...

— Мучают кошмары? — спросила девушка.

Ричард резко сел на диване, хватая ртом воздух. Шторы были по-прежнему задернуты, свет горел, работал телевизор, но сквозь щель между шторами пробивался тусклый серый свет, и Ричард понял, что уже утро. Он отыскал пульт, на котором, как выяснилось, проспал всю ночь, и выключил телевизор.

— Точно, — ответил он. — Кошмары.

Ричард протер глаза и с радостью убедился, что вчера снял хотя бы туфли и пиджак. Правда, остался в заскорузлой от крови рубашке. Девушка молчала. Она выглядела ужасно: грязная, окровавленная, бледная как полотно, очень худая. И одета странно. Множество слоев потертого бархата и рваных кружев какого-то удивительного кроя. Словно она ограбила зал истории моды в музее Виктории и Альберта, нацепила все, что удалось украсть, и теперь разгуливает так по Лондону. Волосы у нее были недлинные и, судя по всему, оказались бы рыжевато-каштановыми, если их отмыть.

Ричард терпеть не мог тех, кто говорит очевидное, то, что просто невозможно не заметить, например, «Дождь пошел» или: «Глядите, у вас разорвался пакет, и все продукты упали в лужу», или: «Ой, вам, наверное, больно!».

— А ты уже встала, — заметил Ричард, всей душой в эту минуту ненавидя себя.

— Чьи это владения? — спросила девушка.

— Хм... Чего?

Она подозрительно огляделась.

— Где я?

— Ньютон Мэншинз, Литл-комден-стрит, 4.

Девушка раздвинула шторы, щурясь и мигая от серого утреннего света, и выглянула наружу. Из окна Ричарда открывался самый обычный вид на одну из лондонских улиц. Удивленно распахнув глаза, девушка смотрела на машины, автобусы, газетный киоск, булочную, аптеку, винный магазин.

— Я в Верхнем Лондоне, — тихо проговорила она.

— Ну да, в Лондоне, — отозвался Ричард, подумав: «Что еще за *верхний*?» — Ты вчера была в ужасном состоянии. И на плече у тебя рана. — Он замолчал, ожидая, что она объяснит, что с ней произошло.

Девушка взглянула на него, а потом снова принялась рассматривать автобусы и магазины. Ричард продолжил:

— Я, эээ... наткнулся на тебя на улице. Ты была вся в крови.

— Не волнуйся, — серьезно сказала она. — Кровь в основном не моя.

Девушка задернула шторы. И принялась разматывать шарф с запекшейся кровью, которым он ее перевязал. Осмотрев рану, она поморщилась.

— Надо сделать нормальную перевязку, — заявила девушка. — Поможешь?

Ричард растерянно посмотрел на нее.

— Честно говоря, я не умею перевязывать раны, — пробормотал он.

— Что ж, — отозвалась она, — если ты такой трус, скажи хотя бы, где взять бинт, и я сама все сделаю. Помогите только завязать концы, а то я сама не дотянусь. У тебя ведь есть бинт?

Ричард кивнул.

— Конечно, — сказал он, — в аптечке. В ванной. Под раковиной.

Потом Ричард пошел в спальню и переоделся, мечтая о том, чтобы рубашка (его лучшая рубашка, подарок Джессики, — о боже, она его просто *убьет*) отстиралась.

* * *

Розовая от крови вода напомнила Ричарду странный сон, который ему однажды приснился, но он никак не мог вспомнить, что это был за сон. Выдернув пробку, он спустил грязную воду, наполнил раковину чистой и влил туда дезинфицирующий раствор. Резкий медицинский запах наполнил ванную и показался ему таким правильным, таким нужным, — словно запах мог излечить его от всего непонятного, что с ним произошло с тех пор, как он подобрал свою странную гостью. Девушка склонилась над раковиной, и он стал лить ей на руку и плечо теплую воду.

На самом деле Ричард был вовсе не таким трусом, каким себя считал. Да, он не выносил вида крови: во время фильма ужасов или даже обычного сериала про больницу забивался в угол, закрывал лицо руками и бормотал: «Уже все? Скажите, когда можно смотреть». Но сейчас, когда кровь и боль были не на экране, все его страхи отступили, и он был готов помогать девушке. Они вместе промыли рану, которая выглядела теперь не так ужасно, как накануне вечером, и перевязали ее бинтом, — девушка держалась изо всех сил и почти не морщилась от боли. Ричарду вдруг стало интересно, сколько ей лет и как она выглядит, если

ее отмыть, и почему она бездомная, и...

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Ричард. Ричард Мэхью. Дик.

Она медленно кивнула, словно стараясь запомнить его имя. Тут в дверь позвонили. Ричард глянул на кровавые потеки в раковине, потом — на девушку в лохмотьях и представил, как все это может выглядеть со стороны.

— Вот черт! — вдруг воскликнул Ричард, сообразив, кто к нему мог прийти. — Это наверняка Джесс. Она меня убьет.

Тревога! Тревога!

— Побудь здесь, я сейчас, — сказал он девушке, закрыл за собой дверь в ванную и бросился в коридор. Открыв дверь, он облегченно вздохнул. Это не Джессика. Это... Кто это такие? Мормоны? Свидетели Иеговы? Полиция? Кто их знает. В любом случае, их двое.

Одеты в черные костюмы, не особенно чистые, слегка помятые, и даже Ричард, который не слишком разбирался, как шьют одежду и как она должна сидеть, заметил, что костюмы скроены как-то странно. Словно лет двести назад их сшил портной, который ни разу не видел современного костюма и кроил с чьих-то слов. И силуэт, и отделка были какие-то странные.

Лис и волк, невольно подумал Ричард. Тот, что стоял впереди, действительно чем-то походил на лиса. Он был немного ниже Ричарда, с гладкими, лоснящимися волосами странного оранжевого цвета и бледной кожей. Когда дверь открылась, он широко улыбнулся, обнажив свои гнилые черные зубы, и сказал:

— Доброго вам утра, сэр. Мы рады приветствовать вас в этот непередаваемо приятный и удивительный день.

— Э-э. Здравствуйте, — отозвался Ричард.

— Мы проводим опрос на редкость деликатного свойства. Ходим от дома к дому, от двери к двери, чтобы добыть хотя бы крупицу драгоценной информации ради нашего благого дела. Позвольте войти?

— Простите, но я сейчас не могу вас принять, — ответил Ричард и спросил: — Вы из полиции?

Второй незнакомец, похожий, как решил Ричард, на волка, стоял немного позади, прижимая к груди пачку отскрокопированных листков. Это был крупный высокий мужчина с коротко стриженными черными с проседью волосами. Все это время он молчал — просто стоял и ждал. А теперь рассмеялся — басовито и гаденько, словно Ричард смолот чушь.

— Из полиции? Увы, нет, — сказал тот, что пониже. — К сожалению, мы не имеем счастья состоять в этой достойной организации. Конечно, профессия полицейского весьма привлекательна, и мы бы сочли за честь всячески служить уважаемому и почитаемому нами закону, однако госпожа Фортуна сдала нам несколько иные карты. Нет-нет, мы обычные люди. Позвольте представиться. Я — мистер Круп, а этот джентльмен — мой брат, мистер Вандемар.

Они не были похожи на братьев. Ричард вообще таких странных людей еще не встречал.

— Ваш брат? — удивленно переспросил он. — Но тогда, наверное, у вас должны быть одинаковые фамилии?

— Я потрясен до глубины души. Какой интеллект, мистер Вандемар! Какой острый ум! — Мистер Круп подался вперед, встал на цыпочки и заглянул Ричарду в лицо. — Такой острый, что можно порезаться.

Ричард невольно отступил назад.

— Можно войти? — спросил мистер Круп.

— Что вам угодно?

Мистер Круп изобразил скорбный вздох.

— Мы ищем нашу сестру, — объяснил он. — Сбившееся с пути дитя, упрямое и капризное, которое вот-вот разобьет сердце нашей несчастной матушки, безутешной вдовы.

— Сбежала из дома, — тихо сказал мистер Вандемар и сунул Ричарду под нос отксерокопированный листок. — Она немного... того, — добавил он, покрутив пальцем у виска.

Ричард посмотрел на листок.

На нем было написано: «ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?» Под надписью красовалась черно-белая фотография той самой девушки, что сидела у Ричарда в ванной. Ниже он прочел: «ПРОПАЛА ДЕВУШКА ПО ИМЕНИ ВЕРА. КУСАЕТСЯ И БРЫКАЕТСЯ. СБЕЖАЛА ИЗ ДОМА. СООБЩИТЕ, ЕСЛИ УВИДИТЕ. ОЧЕНЬ ХОТИМ ЕЕ НАЙТИ. ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ГАРАНТИРУЕМ». И номер телефона. Ричард еще раз посмотрел на фотографию. Да, это та самая девушка.

— Нет, — сказал он. — К сожалению, я ее не видел. Простите.

Но мистер Вандемар его не слушал. Задрав голову, он тщательно принюхивался, словно почувствовал какой-то странный, неприятный запах. Ричард хотел вернуть ему листок, но мистер Вандемар оттолкнул его и ринулся в квартиру, как волк, почуявший добычу. Ричард бросился за ним:

— Как вы смеее?! А ну-ка остановитесь! Вон отсюда! Нет, только не туда...

Мистер Вандемар направился напрямик в ванную. Ричард надеялся, что девушка — Вера? — догадалась запереть дверь. Оказалось, что нет, — мистер Вандемар толкнул дверь, и она тут же распахнулась. Он вошел в ванную, и Ричард, как маленькая глупая собачонка, визгливо тявкающая на почтальона, последовал за ним.

Ванная у Ричарда была небольшая. В ней помещались раковина, ванна, унитаз, на полочке стояло несколько бутылок шампуня, лежало мыло, на крючке висело полотенце. Пару минут назад, до прихода этих странных людей, над заляпанной кровью раковиной склонялась грязная, окровавленная девушка с аптечкой в руках. Однако теперь раковина и пол сияли чистотой. А самой девушки не было.

Выйдя из ванной, мистер Вандемар толкнул дверь в спальню. Зашел и огляделся.

— Не знаю, почему вы решили, что можете вот так запросто врывать в чужую квартиру, — сказал Ричард. — Но если сейчас же не уберетесь отсюда, я вызову полицию.

Тут мистер Вандемар, осматривавший гостиную, повернулся к Ричарду, и тот снова ощутил себя той самой собачонкой, которая вдруг поняла, что тот, кого она неистово облаивает, никакой не почтальон, а огромное, пожирающее собак инопланетное чудовище из фильмов, которые никогда не смотрела Джессика. Ричард понял, что мистер Вандемар из тех, кому говорят: «Пожалуйста, не бейте меня!», и задумался, подействует ли на него такая просьба.

Тут его приятель-лис сказал:

— Мистер Вандемар! Что это на вас нашло? — И уже обращаясь к Ричарду: — Видите ли, он очень тоскует по нашей несчастной сестре. Немедленно извинитесь перед джентльменом, мистер Вандемар.

Мистер Вандемар кивнул и задумался.

— Мне показалось, что мне нужно в туалет, — наконец сказал он. — Но я передумал. Простите.

Мистер Круп двинулся к выходу, подталкивая мистера Вандемара.

— Так вот, мы сейчас уйдем. Нижайше прошу простить моего брата за дурные манеры. Мы так переживаем за нашу бедную овдовевшую матушку и за сестру, которая сейчас, в то время как мы с вами ведем любезную беседу, скитается по Лондону, обездоленная, всеми покинутая, и некому о ней позаботиться, некому наставить ее на путь истинный и вернуть в лоно семьи. Неудивительно, что мой братец, охваченный горем, совсем забыл, как следует себя вести в благородном обществе. Он неплохой малый, всегда готов прийти на выручку в трудную минуту. Не правда ли, мой крупный брат?

Они уже вышли из квартиры и теперь стояли у порога. Мистер Вандемар молчал. Он был не похож на человека, охваченного горем. Круп повернулся к Ричарду и снова улыбнулся лисьей улыбкой.

— Сообщите нам, если увидите ее, — сказал он.

— До свидания, — отозвался Ричард, закрыл дверь и повернул в замке ключ. А потом, впервые с тех пор, как здесь поселился, запер дверь на цепочку.

* * *

— Я не толстый, — проворчал мистер Вандемар.

Мистер Круп, перерезавший телефонный провод, как только Ричард заявил, что вызовет полицию, вдруг задумался, тот ли это был провод, — он не очень хорошо разбирался в современных телекоммуникациях.

— А я и не говорил, что ты толстый, — сказал он и взял у Вандемара ксерокопию. — Наплюй!

Мистер Вандемар плюнул на оборот ксерокопии, и мистер Круп прижал листок к стене у двери Ричарда. Листок приклеился намертво. «ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?»

— Ты сказал «крупный». «Крупный» — значит «толстый».

— А еще «крупный» значит «сильный», «крепкий», «мощный», «значительный», «выдающийся» и даже «важный», — заметил мистер Круп. — Ты ему веришь?

Они спустились по лестнице.

— Что я, идиот, что ли? — отозвался мистер Вандемар. — Я ее почуял.

* * *

Ричард немного постоял у входной двери. И только услышав, как хлопнула дверь вниз, отправился в ванную, но тут зазвонил телефон. Ричард чуть не подпрыгнул от неожиданности, бросился к аппарату и снял трубку.

— Алло! — сказал он. — Алло!

Однако в трубке была тишина. Потом раздался тихий щелчок, и из динамика автоответчика, стоявшего рядом с телефоном, послышался голос Джессики: «Ричард! Это Джессика. Жаль, что тебя нет дома, потому что больше я звонить не буду, к тому же мне бы очень хотелось сказать тебе все, что я думаю, лично, а не через автоответчик».

Ричард заметил, что провод, который вел к трубке, аккуратно перерезан почти у самого аппарата. Но все равно закричал:

— Джессика, я здесь! Подожди, не вешай трубку!

«Ричард, вчера вечером ты меня очень обидел, — продолжала Джессика. — С меня хватит. Я разрываю помолвку. Не желаю тебя больше видеть и кольцо не верну. Надеюсь, ты и твоя несчастная овца сгорите в аду! Пока!»

— Джессика! — воскликнул Ричард, словно надеясь, что если крикнет погромче, она его услышит. Автоответчик записал послание Джессики, послышался еще один щелчок, и на аппарате замигала красная лампочка.

— Плохие новости? — спросила девушка. Она стояла у него за спиной в крошечной кухне. Рука у нее была перевязана. Девушка вынула из коробки два пакетика чая и опустила их в кружки. Чайник уже кипел.

— Да, — ответил Ричард. — Очень плохие. — Он подошел к ней и вручил листок «ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?». — Это ведь ты?

Девушка подняла бровь.

— Да, это моя фотография.

— Значит, тебя зовут... Вера?

Она покачала головой:

— Нет, Ричард-ричард-мэхью-дик, меня зовут Дверь. Молока добавить? Сколько сахара?

Ричард окончательно растерялся.

— Ричард, — пробормотал он. — Просто Ричард. Не надо сахара, — потом помолчал и сказал: — Слушай, я понимаю, что лезу не в свое дело, но все же — что с тобой случилось?

Дверь налила кипятка в кружки.

— Это тебя не касается, — спокойно сказала она.

— Прости, я не хотел...

— Нет, Ричард, ты не понимаешь. Честное слово, тебе *ни к чему* это знать. Это не принесет тебе ничего хорошего. Ты и так сделал для меня слишком много.

Выбросив чайные пакетики, она протянула Ричарду кружку. Он взял чай и вдруг заметил, что все еще держит в руке телефонную трубку.

— Да ладно. Не мог же я тебя там бросить.

— Мог, — отозвалась Дверь. — Но не бросил.

Прижавшись спиной к стене, она осторожно выглянула в окно. Ричард подошел и тоже посмотрел на улицу. Мистер Круп и мистер Вандемар отошли от газетного киоска. На стекле красовался листок с надписью «ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?».

— Это действительно твои братья? — спросил Ричард.

— Ричард, прошу, — устало ответила Дверь, — не мучай меня.

Он отхлебнул чая, пытаясь сделать вид, будто ничего особенного не произошло.

— А где ты была? — спросил он. — Только что.

— Здесь, — ответила она. — Что ж, раз уж эти двое меня преследуют, придется позвать... — она запнулась. — Кого-нибудь, кто может помочь. Одной мне лучше отсюда не выходить.

— А есть такой человек? Кому ты могла бы позвонить?

Она взяла телефон с обрезанным шнуром и покачала головой.

— У моих друзей нет телефона, — сказала она и поставила такой одинокий и бесполезный теперь аппарат на стол. А потом хитро улыбнулась:

— Крошки.

— Что? — не понял Ричард.

* * *

Небольшое окошко в спальне выходило на крыши и водосточные трубы. Забравшись на кровать, Дверь дотянулась до него, открыла и насыпала на подоконник хлебных крошек.

— Зачем ты это делаешь? — удивился Ричард. — Я ничего не понимаю.

— Ну разумеется, — кивнула Дверь. — Тихо!

Послышалось хлопанье крыльев, и на подоконник сел сизый голубь с перьями, отливающими красным и зеленым. Он стал клевать крошки, и Дверь осторожно взяла его в руки. Голубь с любопытством смотрел на нее, но не вырывался.

Они сели на кровать. Дверь попросила Ричарда подержать голубя, а сама прижала к его лапке записку и принялась приматывать ее ярко-синей резинкой, которой Ричард перевязывал счета за электричество. Он не особенно любил голубей и совсем не умел их держать.

— Зачем тебе это? — спросил он. — Голубь ведь не почтовый, а самый обыкновенный, из тех, что гадят на голову Нельсона.

— Точно, — согласилась Дверь. На щеке у нее красовалась ссадина, грязные рыжеватые волосы были спутаны, хотя и не до такой степени, чтобы их уже невозможно было расчесать. А глаза... Ричард вдруг понял, что не может сказать, какого они цвета. Не голубые и не зеленые, не карие и не серые, они напоминали огненный опал, мерцая голубыми, зелеными, красными и желтыми искорками, которые вспыхивали, гасли и тут же вспыхивали снова. Дверь забрала у Ричарда голубя, поднесла его к лицу и заглянула птице в глаза. Склонив голову на бок, голубь уставился на нее своими черными глазками-бусинками.

— Значит так, — сказала Дверь и издала очень странный звук, похожий на голубиное воркование. — Значит так, *Кррппллрр*, ты должна отыскать маркиза Карабаса. Понятно?

Птица заворковала в ответ.

— Умница! Это очень важно, так что...

Голубка прервала ее громким, недовольным воркованием.

— Прости, — сказала Дверь. — Ты и сама отлично знаешь, что делать. — Она поднесла голубку к окну и выпустила на волю.

Ричард удивленно наблюдал за ней.

— Надо же! Такое впечатление, будто она тебя поняла, — проговорил он, когда птица взметнулась в небо и скрылась за крышами.

— Ну да, — отозвалась девушка. — Теперь придется подождать.

Подойдя к книжному шкафу, она взяла с полки «Мэнсфилд-парк»,^[12] — Ричард и не знал, что у него есть эта книга, — и отправилась в гостиную. Ричард побрел за ней. Дверь уселась на диван и стала читать.

— Это прозвище? — спросил он.

— Что?

— Дверь.

— Нет. Меня так и зовут — Дверь.

— Дверь?

— Да, как то, что ты открываешь, чтобы куда-нибудь войти.

— А... — Чтобы сказать хоть что-нибудь, Ричард брякнул: — Что за имя такое — Дверь?

Она подняла на него свои странного цвета глаза и ответила:

— Мое имя, — и вернулась к Джейн Остен.

Ричард взял пульт и включил телевизор. Переключил канал — раз, другой, третий. Вдохнул.

— А чего мы ждем?

Дверь перевернула страницу и сказала, не отрываясь от книги:

— Ответа.

— Какого ответа?

Дверь пожала плечами.

— Ну ладно, — пробормотал Ричард. Тут он вдруг заметил, что у нее очень бледная кожа, — раньше это было сложно разглядеть под слоем грязи и засохшей крови. Интересно, она такая бледная, потому что чем-то больна? Или от потери крови? Или просто редко выходит на улицу? А может, у нее малокровие? Может, она сидела в тюрьме? Хотя вряд ли, слишком уж она молоденькая. А вдруг тот тип не соврал, и она действительно сумасшедшая?

— Скажи, когда те люди вошли...

— Люди? — ее опаловые глаза блеснули.

— Круп и... ммм... Вандербильт.

— Вандемар, — Дверь на секунду задумалась, потом кивнула: — Ну да, они похожи на людей. Две ноги, две руки, голова.

— Так вот, — продолжил Ричард. — *Куда* ты делась, когда они зашли в квартиру?

Лизнув палец, она перевернула страницу:

— Я была здесь.

— Но... — В его квартире просто невозможно спрятаться. А наружу она точно не выходила. — Но...

Послышался шорох, и из груды видеокассет под телевизором выскочил какой-то темный зверек, покрупнее мыши.

— Господи! — воскликнул Ричард и запустил в зверька пультом. Пульт ударился о видеокассеты и с громким стуком упал на пол. Зверек исчез.

— Ричард! — крикнула Дверь.

— Не бойся, — сказал он. — Это всего лишь крыса.

Она возмущенно посмотрела на него.

— Разумеется, это всего лишь крыса. И ты ее, беднягу, сильно напугал.

Дверь огляделась, потом тихо свистнула.

— Эй! — позвала она и, отложив «Мэнсфилд-парк», опустилась на колени. — Эй, где вы?

Она снова сердито глянула на Ричарда.

— Если ты ее покалечил... — с угрозой в голосе начала она, а потом тихо и очень вежливо обратилась к крысе: — Простите, он полный кретин. Вы где?

— Я не кретин! — возмутился Ричард.

— Тссс, — шикнула Дверь. — Куда вы делись?

Тут из-под дивана показался розовый носик. Через пару секунд зверек осторожно высунул голову и подозрительно оглядел черными глазками комнату. «Да, это точно не

мышь, — подумал Ричард. — Мыши гораздо мельче».

— Здравствуйте! — радостно сказала Дверь. — С вами все в порядке?

Она протянула руку. Зверек вскарабкался ей на ладонь, а потом пробежал по руке до локтя и там остановился. Дверь погладила его пальцем по пушистой шерстке. Это была темно-коричневая крыса с длинным розовым хвостом. К ее брюшку был привязан сложенный листок бумаги.

— Это крыса, — сказал Ричард, решив, что иногда говорить очевидное простительно.

— Конечно, крыса. Ты не хочешь извиниться?

— Что?

— Извинись.

Может, он не расслышал? Или сошел с ума?

— Перед крысой?

Дверь промолчала, давая понять, что он понял правильно.

— Простите, — с достоинством сказал Ричард крысе. — Я не хотел вас напугать.

Крыса посмотрела на Дверь.

— Нет, нет, он правда не хотел, — сказала девушка. — Это не просто слова. Что вы мне принесли?

Она отвязала сложенный в несколько раз клочок оберточной бумаги — Ричард заметил, что он был примотан к крысе обрывком ярко-синей резинки.

Дверь развернула листок, испещренный мелкими буквами. Быстро пробежав письмо глазами, девушка кивнула.

— Спасибо, — сказала она крысе. — Я очень благодарна вам за все, что вы для меня сделали.

Крыса прыгнула на пол, бросила гневный взгляд на Ричарда и скрылась.

Девушка по имени Дверь протянула Ричарду обрывок бумаги.

— На, прочитай, — велела она.

* * *

День клонился к вечеру. Начало темнеть, — осень уже давно вступила в свои права. Ричард доехал на метро до Тоттенхэм-корт-роуд и теперь шел на запад по Оксфорд-стрит. В руках он держал клочок коричневой оберточной бумаги. На Оксфорд-стрит было множество магазинов, поэтому даже сейчас, в сумерки, тут толпились туристы.

«Это записка, — сказала она, вручая ему мятый обрывок бумаги, — от маркиза Карабаса».

Ричарду показалось, что он уже где-то встречал это имя.

«Замечательно, — сказал он. — Должно быть, у него закончились открытки».

«Просто так быстрее».

Он прошел мимо шумного, залитого ярким светом огромного магазина «Вирджин», мимо магазинчика для туристов, в котором продавались шляпы лондонских полицейских и крошечные модели красных двухэтажных лондонских автобусов, мимо кафе, где продавали пиццу кусками, а потом повернул направо.

«Ты должен сделать все так, как написано в записке. Смотри, чтобы за тобой никто не следил. — Дверь вздохнула и добавила: — Не надо было тебя во все это впутывать».

«Если я все сделаю... ты сможешь уйти из моей квартиры?»

«Да».

Он свернул на Хэнвей-стрит. И хотя шумная, ярко освещенная Оксфорд-стрит была всего в двух шагах, словно попал в другой город. Хэнвей-стрит казалась пустынной, заброшенной: узкая, темная улица, больше похожая на переулок, с мрачными магазинами звукозаписи и закрытыми ресторанами. Ее освещал лишь свет из окон нелегальных пабов на верхних этажах домов. Ричард почувствовал страх.

«...сверни направо на Хэнвей-стрит, потом налево на Хэнвей-плейс, потом еще раз направо — на Орм-песседж. Остановись возле первого фонаря...»

«Ты уверена, что так надо?»

«Да».

Ричард не помнил Орм-песседж, хотя и бывал на Хэнвей-плейс не раз: здесь в одном из подвалов находился индийский ресторан, который обожал его коллега Гарри. Насколько Ричард помнил, Хэнвей-плейс заканчивалась тупиком. Ресторан назывался «Мандир». Ричард прошел мимо ярко освещенного входа, глянув на лестницу, ведущую вниз, в ресторан, и повернул налево...

Он ошибался. Отсюда действительно можно было свернуть на Орм-песседж. На стене даже висела табличка: «ОРМ-ПЕССЕДЖ, № 1».

Неудивительно, что он раньше не замечал этой улицы. Ее и улицей-то нельзя было назвать: просто узкий переулок, освещенный газовыми фонарями. «Таких сейчас почти не осталось», — подумал Ричард и поднес клочок бумаги к свету.

«Трижды повернись вокруг себя против движения солнца. Против движения солнца — это то же самое, что против часовой стрелки, Ричард».

Он три раза повернулся, чувствуя себя полным идиотом.

«Зачем вообще все это выделывать, чтобы встретиться с твоим другом? Это же какая-то чепуха...»

«Это не чепуха. Поверь мне. Просто сделай это ради меня, ладно?» — и она улыбнулась.

Ричард остановился, подождал немного и прошел до конца улицы. Пусто. Никого. Рядом с железным мусорным баком груды тряпья.

— Эй! — крикнул Ричард. — Есть тут кто? Я друг Двери. Эй!

Нет, тут никого не было. Ричард облегченно вздохнул. Теперь можно спокойно вернуться домой и сказать девушке, что ничего не получилось. Потом он вызовет кого надо, и они во всем разберутся. Скомкав бумагу, он бросил ее в бак.

В ту же секунду то, что Ричард принял за груды тряпья, зашевелилось, поднялась, мелькнула рука — и на лету поймала скомканный листок.

— Это, кажется, мое, — сказал маркиз Карабас. На нем был огромный черный плащ, немного смахивавший на сюртук, и высокие черные сапоги, а под плащом — что-то рваное и грязное. В свете фонарей на темном лице ярко поблескивали белки глаз. Он тут же улыбнулся, обнажив белые зубы, словно в ответ на шутку, понятную ему одному, поклонился Ричарду и сказал:

— Маркиз Карабас к вашим услугам, а вы?..

— Хм... — замялся Ричард. — Ммм. Эээ...

— Вы — Ричард Мэхью, тот самый молодой человек, который спас нашу раненую Дверь. Как она?

— Ммм... Нормально. Ее рука все еще...

— Не переживай, с ней все будет в порядке. У всех членов ее семьи раны заживают в мгновение ока. Странно вообще-то, что их удалось убить.

Говоря все это, маркиз Карабас ходил взад-вперед, как тигр в клетке. Ричард понял, что он из тех людей, которые не могут усидеть на месте.

— А что, ее семью убили? — спросил он.

— Боюсь, мы так ничего не успеем, если ты еще будешь спрашивать о том, что тебя не касается, — ответил маркиз, останавливаясь напротив Ричарда. — Садись, — велел он.

Ричард огляделся, — куда бы здесь сесть? Взяв его за плечо, маркиз с силой толкнул Ричарда, так что тот упал навзничь на мостовую.

— Она отлично знает, что мои услуги стоят недешево. Что она предлагает?

— В каком смысле?

— Каковы условия сделки? Она ведь прислала тебя заключить со мной сделку. За просто так я никому не помогаю.

Ричард пожал плечами, насколько это возможно сделать, лежа на спине.

— Она велела передать, что хочет, чтобы вы отвели ее домой, — а я понятия не имею, где ее дом, — и наняли для нее телохранителя.

Даже когда маркиз стоял спокойно, его глаза все время бегали — вверх-вниз, туда-сюда, словно он что-то искал или о чем-то думал. Складывал, вычитал, взвешивал. Может, он ненормальный?

— А взамен? Что она предлагает взамен?

— Да вроде ничего.

Плюнув себе на ногти, маркиз потер их о лацкан плаща и отвернулся.

— Она *мне* ничего не предлагает, — похоже, он смертельно обиделся.

Ричард поднялся на ноги.

— По крайней мере ни о каких деньгах она не говорила. Сказала только, что будет у вас в долгу.

Глаза маркиза блеснули.

— В каком долгу?

— В огромном долгу, — сказал Ричард. — Она сказала, что будет у вас в огромном долгу.

Карабас ухмыльнулся, как голодная пантера, заведшая в лесу ребенка. Потом снова повернулся к Ричарду.

— И ты оставил ее совсем одну?! — воскликнул он. — В то время как Круп и Вандемар рыщут по городу? Так чего же мы ждем? — Он встал на колени перед люком у обочины, выхватил из кармана какой-то металлический предмет, воткнул его в щель и нажал. Люк

открылся. Маркиз сунул предмет на место и вытащил из другого кармана нечто, похожее, как показалось Ричарду, на длинную римскую свечу^[13] или факел. Маркиз провел по нему рукой, и он загорелся, освещая улицу ярко-красным светом.

— Можно спросить? — вмешался Ричард.

— Нет, конечно, — отозвался маркиз. — Значит так. Никаких вопросов, ответов ты все равно не получишь. Не отставай от меня ни на шаг. И даже не пытайся понять, что происходит. Ясно?

— Но...

— И самое главное: никаких «но». А теперь в путь. Прекрасная дама в опасности, — заявил Карабас. — Нельзя терять ни минуты. Вперед! — С этими словами он указал в темноту канализационного люка.

Ричард спускался по лестнице, прикрепленной к стенке канализационной шахты, чувствуя себя таким потерянным, что даже первоклассный детектив не смог бы его теперь найти.

* * *

«Интересно, где мы?» — подумал Ричард. Кажется, это не канализация. Скорее, туннель для телефонного кабеля или даже для небольшого поезда. Или... для чего-то еще. Он вдруг понял, что почти ничего не знает о том, как устроены лондонские подземные коммуникации. Ричард шел медленно, опасаясь споткнуться и сломать ногу. А маркиз Карабас уверенно шагал впереди, словно не заботясь о том, идет ли за ним Ричард. Пылающий факел заливал туннель красным светом, на стенах плясали огромные тени.

Ричард бросился догонять маркиза.

— Так... — проговорил Карабас. — Нужно отвести ее на рынок. Ближайший будет, ммм, через два дня, если мне не изменяет память, а она уж конечно мне не изменяет. До тех пор надо бы ее спрятать.

— Рынок? — переспросил Ричард.

— Да, Плавающий рынок. Но тебя это не касается. Хватит задавать вопросы.

Ричард огляделся.

— Вообще-то я хотел спросить, где мы. Но вы, наверное, мне все равно не ответите.

Маркиз снова улыбнулся.

— Молодец, — обрадовался он, — кое-что усвоил. У тебя и без того большие проблемы.

— Не то слово! — вздохнул Ричард. — Меня бросила невеста, а еще мне, видимо, придется покупать новый телефон...

— Темпл и Арка! Поверь мне, телефон — это сущая ерунда! — Маркиз Карабас поставил факел на землю, прислонив к стене, — факел продолжал шипеть, заливая тоннель красным светом, — и стал взбираться наверх по вделанным в стену железным скобам. Немного помедлив, Ричард последовал за ним. Скобы были холодными и ржавыми. Ржавчина, превращавшаяся под руками в пыль, сыпалась вниз, забиваясь ему в глаза и рот. Красный свет внизу замигал и потух. Теперь они карабкались в полной темноте.

— Мы возвращаемся к Двери? — спросил Ричард.

— Ну да. Только сначала мне нужно кое-что уладить, позаботиться о своей безопасности. Когда выйдем наружу, не смотри вниз.

— Почему? — спросил Ричард. Тут ему в глаза хлынул свет, и он невольно посмотрел вниз.

* * *

Яркий дневной свет чуть не ослепил Ричарда. *Дневной свет?* — удивленно подумал он. — *Не может быть. Ведь когда я зашел в переулок, на Лондон уже спустилась ночь, а это было всего-то час назад.* Он карабкался по железной лестнице, вделанной в стену какого-то высокого здания, а под ним...

Под ним был Лондон.

Крошечные машинки, крошечные автобусы и такси, крошечные домики, деревья, малюсенькие грузовички и крошечные, просто микроскопические люди. Он с трудом мог различить все это далеко внизу.

Сказать, что Ричард Мэхью страдал от акрофобии,^[14] было бы не совсем верно, — это все равно что утверждать, что Юпитер крупнее утки. Нет, Ричарду не просто делалось страшно, когда он оказывался на горе или на последнем этаже высокого здания, — это рождало в нем тупой, невыносимый ужас, от которого потеют руки и хочется кричать во все горло. Ему казалось, что если он подойдет слишком близко к краю, какая-то неведомая сила подтолкнет его, и, не владея собой, он непременно шагнет в пустоту. В такие минуты Ричард переставал доверять самому себе, и это пугало его даже больше, чем сама бездна. И хотя он понимал, что акрофобия — своего рода болезнь, он ненавидел себя за это и старался держаться подальше от высоких зданий и гор.

Ричард застыл, вцепившись в железную скобу. У него заболели глаза, а дыхание стало прерывистым.

— Я вижу, — слышался знакомый веселый голос сверху, — кто-то меня не послушал?

— Я... — У Ричарда пересохло в горле, он судорожно сглотнул. — Я не могу лезть дальше.

Руки у него вспотели. А вдруг потные ладони соскользнут со скобы, и он полетит вниз?..

— Еще чего! Конечно можешь. А впрочем, если хочешь, оставайся здесь, на лестнице. Повисишь пару часов, пока не замерзнут руки, а потом полетишь вниз, разобьешь башку о мостовую и наконец перестанешь бояться.

Ричард посмотрел на маркиза. Тот улыбался, а заметив, что Ричард на него смотрит, отпустил обе руки и помахал ими в воздухе. Ричарда тут же захлестнула волна панического страха.

— Вот сволочь, — пробормотал он, протянул правую руку вверх и нащупал следующую скобу. Потом переставил правую ногу. Протянул левую руку. Так, очень медленно и осторожно, он лез все выше и выше. Вскоре Ричард увидел прямо перед собой край крыши. Перебравшись через него, он растянулся во весь рост.

Он слышал удаляющиеся шаги маркиза, ощущал ладонями шершавое покрытие крыши и всем телом — твердую поверхность. Сердце бешено колотилось в груди.

Неподалеку слышался хриплый голос:

— Что тебе здесь надо, Карабас? Ступай прочь. Прочь!

— Старина Бейли,^[15] — сказал маркиз, — а ты держись молодцом!

Кто-то, шаркая, подошел к Ричарду и легонько ткнул его пальцем под ребра.

— Ты жив, приятель? Я как раз приготовил отличное рагу из скворца. Хочешь попробовать?

Ричард открыл глаза:

— Нет, спасибо.

Первое, что он увидел, была куча перьев. Что это было — пальто или плащ, — непонятно, но невообразимое одеяние, казалось, состояло из одних только перьев, а помимо перьев Ричард еще увидел добродушное морщинистое лицо, а на щеках — густые седые бакенбарды. Тело — там, где не было перьев, — было обмотано веревками. Ричард вспомнил спектакль «Робинзон Крузо», на который его водили в раннем детстве, и подумал, что так, скорее всего, выглядел бы Робинзон, если бы его занесло не на необитаемый остров, а на крышу небоскреба.

— Меня зовут старина Бейли, — сказал городской Робинзон Крузо, потом водрузил на нос старые очки, болтавшиеся на шее на веревочке, и пристально посмотрел на Ричарда. — А тебя я что-то не припомню. Ты чей подданный? Как тебя зовут?

Ричард сел. Они были на крыше старинного здания из коричневого камня, с высокой башней, украшенной облезлыми каменными гаргульями, частично утратившими крылья и лапы, а местами и головы. Откуда-то снизу доносился глухой вой полицейской сирены и приглушенный рев моторов. Неподалеку, в тени башни, был натянут навес — старый коричневый навес, весь в заплатках и следах птичьего помета. Ричард хотел было представиться, но маркиз рявкнул:

— Молчать! Ни слова! — И повернулся к старине Бейли. — Люди, которые суют свой нос куда не следует, — маркиз щелкнул пальцами прямо под носом у старика, и тот аж подпрыгнул от неожиданности, — рискуют его лишиться. А теперь к делу. Ты у меня в долгу уже двадцать лет, старина Бейли. В большом долгу. И вот теперь я пришел его получить.

Старик моргнул.

— Я был дурак, — тихо сказал он.

— Дурак — это еще мягко сказано, — согласился маркиз. Сунув руку во внутренний карман плаща, он достал небольшую богато украшенную серебряную шкатулку, покрупнее табакерки, но поменьше портсигара. — Ты знаешь, что это?

— Лучше бы не знал.

— Пусть она хранится у тебя.

— Я не хочу.

— У тебя нет выбора, — сказал маркиз.

Старик осторожно взял шкатулку двумя руками — словно она могла в любую секунду взорваться. Маркиз легонько пнул Ричарда в бок массивным сапогом.

— А теперь, — заявил он, — нам пора идти.

С этими словами он зашагал прочь. Ричард встал и пошел за ним, стараясь держаться как можно дальше от края крыши. За каминными трубами оказалась дверь, ведущая в башню. Маркиз открыл ее, и они стали спускаться по винтовой лестнице.

— Что это за старик? — спросил Ричард, пытаясь разглядеть в полумраке очередную ступеньку. Звук шагов эхом разносился по всей башне, лестница слегка подрагивала.

Маркиз Карабас фыркнул.

— Ты ничего не слышал, — сказал он. — У тебя и так одни проблемы. Чем больше ты делаешь, чем больше говоришь и слышишь, тем больше проблем себе создаешь. Молись, чтобы еще не было слишком поздно, потому что ты и так уже далеко зашел.

Ричард склонил голову на бок.

— Простите, — проговорил он, — я понимаю, такое спрашивать неприлично, но все же. Вы в своем уме?

— Может и нет, но вряд ли. А что?

— Потому что кто-то из нас двоих точно сумасшедший.

Было уже совсем темно, и Ричард, попытавшись нащупать ногой следующую ступеньку, ее не обнаружил.

— Береги голову, — предупредил маркиз и открыл дверь. Больно ударившись головой о низкую притолоку, Ричард охнул и вышел наружу, заслонив рукой глаза от яркого света.

Он потер лоб, потом протер глаза. Дверь, через которую они прошли, вела в небольшой чулан в подъезде его собственного дома. Тут хранились метлы, веники, тряпки, старая швабра и всякие чистящие средства. Ричард оглянулся и с удивлением обнаружил, что никаких ступенек в чулане нет и в помине. На задней стене висел лишь старый календарь, совершенно бесполезный, если, конечно, когда-нибудь снова не наступит 1979 год.

Маркиз внимательно разглядывал листок «ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?», висевший у двери Ричарда.

— Не самый удачный ракурс, — заметил он.

Ричард закрыл за собой дверь чулана, вынул из кармана ключи, отпер замок и зашел в квартиру. Наконец-то он дома. Бросив взгляд на кухонное окно, он с облегчением отметил, что снаружи снова темно.

— Ричард! — воскликнула Дверь. — Ты привел его!

За время его отсутствия она помылась и, кажется, даже попыталась отчистить одежду от грязи и крови. Руки и лицо ее сияли чистотой. Тщательно вымытые волосы оказались золотисто-каштановыми, даже скорее темно-рыжими, с медным отливом. «Интересно, сколько ей лет? — подумал Ричард. — Пятнадцать? Шестнадцать? Или больше? Непонятно».

Она надела свою коричневую кожаную куртку, ту самую, в которой была, когда Ричард ее нашел, — огромную, мешковатую куртку, похожую на летнюю, и выглядела в ней еще более хрупкой.

— Привел, — отозвался Ричард.

Маркиз Карабас опустился перед девушкой на одно колено и склонил голову.

— Мое почтение, леди, — сказал он.

Казалось, девушке стало неловко.

— Прошу вас, маркиз Карабас, встаньте. Я так рада, что вы пришли!

Он быстро поднялся и сказал:

— Насколько я понимаю, вы произнесли слова *долг* и *огромный*. Это так? Или вы имели в виду что-то другое?

— Мы поговорим об этом позже, — сказала Дверь, подошла к Ричарду и взяла его за руки. — Спасибо, Ричард. Я очень благодарна тебе за все, что ты для меня сделал. Я сменила простыни на кровати. Жаль, я ничего больше не могу для тебя сделать.

— Ты уходишь?

Она кивнула:

— Теперь я в безопасности. Более или менее. По крайней мере, на какое-то время.

— И куда вы пойдете?

Мягко улыбнувшись, она покачала головой:

— Не спрашивай. Я уйду, и больше ты меня не увидишь. Ты просто молодец. — Она

встала на цыпочки и поцеловала его в щеку, как, прощаясь, целуют друг друга хорошие друзья.

— А если мне когда-нибудь понадобится с тобой связаться...

— Не понадобится. Никогда. И еще... — Она немного помолчала, а потом проговорила: — Прости меня за все, ладно?

Ричард смущенно опустил голову и уставился на свои туфли.

— Мне не за что тебя прощать, — пробормотал он и неуверенно добавил: — По-моему, все было отлично.

Когда он поднял голову, в комнате уже никого не было.

В воскресенье утром Ричард раскопал в глубине шкафа телефон в виде Бэтмобиля, который подарила ему на Рождество пару лет назад тетя Мод, и воткнул его в розетку. Он попытался дозвониться до Джессики, но безрезультатно. Автоответчик у нее был выключен, мобильный телефон — тоже. Скорее всего, она отправилась к своим родителям в пригород Лондона, а туда Ричард звонить не хотел. Он побаивался родителей Джессики, и не без причины. Они не одобряли выбор своей ненаглядной дочурки, и однажды мать Джессики как бы между прочим сказала Ричарду, что их помолвка ее очень расстроила, и добавила, что Джессика, уж конечно, могла бы найти себе кого-нибудь получше.

Его собственных родителей не было в живых. Отец умер давно, от инфаркта, — Ричард тогда был еще совсем маленьким. Не выдержав такого удара, мать стала медленно угасать. Когда Ричард уехал, она совсем затосковала, и буквально через полгода после отъезда в Лондон ему пришлось срочно вернуться в Шотландию, чтобы два дня просидеть у кровати матери в маленькой местной больнице. Время от времени она его узнавала, но чаще всего ей казалось, что это не Ричард, а его отец.

Так и не дозвонившись до невесты, Ричард сел на диван и задумался. События последних двух дней казались все менее и менее реальными, как будто это произошло не с ним, да и вообще не могло произойти. Гораздо более реальной была запись на автоответчике — та самая, где Джессика говорила, что не хочет больше его видеть. Он отмотал запись назад и прослушал еще раз, потом еще и еще. Он слушал эту запись все воскресенье, каждый раз пытаясь уловить в голосе Джессики хоть каплю теплоты. Он надеялся найти какой-то признак того, что она еще может его простить. Но так и не нашел.

Ричард хотел было выйти и купить воскресную газету, но передумал. Все воскресные газеты, которые не смог приобрести Руперт Мердок,^[16] принадлежали боссу Джессики Арнольду Стоктому — хваткому бизнесмену с тройным подбородком и невероятно высоким самомнением. Стоктон являл собой пародию на человека, который сам всего добился. В его газетах писали практически только о нем, как впрочем, и в других тоже. Так что воскресная газета наверняка напомнит Ричарду о том, что он пропустил ужин в пятницу. Ричард принял ванну, съел несколько бутербродов и выпил пару кружек чая. Потом немного посмотрел телевизор. Все это время он мысленно разговаривал с Джессикой, прося у нее прощения. И каждый такой разговор в его воображении заканчивался бурным, неистовым, полным слез и страсти сексом; а потом у них все налаживалось.

* * *

В понедельник утром не зазвонил будильник. Размахивая портфелем, Ричард выскочил из дома без десяти девять и стал лихорадочно выискивать глазами такси. Увидев неподалеку большой черный автомобиль с ярко-желтым знаком на крыше, он с облегчением вздохнул, махнул водителю рукой и крикнул: «Эй, сюда!».

Но такси медленно проехало мимо, свернуло за угол и скрылось из виду.

А вот и еще одно, с таким же светящимся знаком на крыше. На этот раз Ричард выскочил на середину улицы. Ловко обогнув его, таксист поехал дальше. Ричард тихо

выругался и помчался к ближайшей станции метро.

Вытащив из кармана горсть мелочи, он нажал на кнопку автомата, — билет до станции «Черинг-кросс», — и отправил в щель несколько монет. Автомат плотоядно проглотил их одну за другой, прожевал и выплюнул обратно. Ричард удивленно смотрел, как монеты со звоном сыпятся в поддон. Билета не было. Ричард попробовал купить билет в другом автомате. Бесполезно. И еще в одном. Кассир увлеченно беседовал с кем-то по телефону, когда Ричард подбежал к нему пожаловаться на автоматы и купить билет в кассе. Он громко кричал: «Эй, вы!» и «Мне нужен билет!» и даже стучал монетой по стеклу, но несмотря на его крики — а может быть, даже *назло*, — кассир продолжал болтать по телефону, не обращая на Ричарда ни малейшего внимания.

— Да пошли вы все! — выругался Ричард и перемахнул через турникет. Никто его не остановил — всем было наплевать. Задыхаясь и истекая потом, он сбежал вниз по эскалатору и оказался на платформе, где уже собралась целая толпа. В ту же минуту подошел поезд.

В детстве Ричарду часто снились кошмары о том, что его словно бы не существует, — как бы громко он ни кричал, что бы ни делал, никто его не замечал. Сейчас он испытал именно такое чувство. Люди, выходившие из вагона, и те, кто собирался зайти, толкали его, оттесняли назад, похоже, просто не видя.

Ричард изо всех сил пытался проложить себе путь в толпе, работая локтями и протискиваясь вперед, и ему уже почти удалось прорваться в вагон, — он решил во что бы то ни стало сесть на этот поезд, — как вдруг двери начали закрываться. Ричард отпрянул назад, но двери защемили рукав его плаща. Он заколотил по стеклу и закричал, в надежде, что машинист хоть на миллиметр приоткроет двери, и ему удастся высвободиться. Но поезд тронулся, и Ричарду пришлось бежать за ним, все быстрее и быстрее. Бросив портфель, он отчаянно дергал свободной рукой за рукав. В конце концов ткань не выдержала и треснула; Ричард от неожиданности упал на каменные плиты, поранив руку и разорвав брюки на коленях. С трудом поднявшись на ноги, он поплелся назад и подобрал портфель. Растерянно посмотрел на оторванный рукав, на ссадину на руке и порванные брюки. Потом поднялся по лестнице и вышел из метро. Билет у него так никто и не спросил.

* * *

— Простите, что опоздал, — ни к кому не обращаясь, сказал Ричард, добравшись наконец до офиса.

На часах было 10:30. Ричард бросил портфель на стул и вытер лицо платком.

— Вы не поверите, я едва добрался, — продолжал он. — Просто кошмар какой-то.

С этими словами он глянул на свой стол. Чего-то не хватало. Точнее, не хватало всего.

— А где мои вещи? — немного громче спросил он. — Где телефоны? Где тролли?

Ричард заглянул в ящики стола — пусто. Нет даже обертки от «марса», даже какой-нибудь скрепки, — ничего, словно Ричард вообще никогда не работал за этим столом. Тут он заметил, что к нему направляется Сильвия, а с ней два здоровых типа. Ричард подошел к ним.

— Сильвия! В чем дело?

— Что, простите? — вежливо переспросила Сильвия. Не дожидаясь ответа, она указала

здоровьякам на стол. Те послушно подняли его и понесли к выходу.

— Осторожнее, — предупредила Сильвия.

— Это же мой стол! Куда они его несут?

Сильвия удивленно посмотрела на Ричарда.

— Простите, а вы кто?

Что за бред? — подумал Ричард.

— Ричард, — саркастически сказал он. — Ричард Мэхью.

— А-а-а, — протянула она. И в ту же секунду ее внимание соскользнуло с Ричарда, как соскальзывает вода с покрытых жиром утиных перьев. — Нет, не туда! Только не туда! — закричала она грузчикам и поспешила за ними. Между тем грузчики уносили рабочий стол Ричарда в неизвестном направлении.

Ричард посмотрел им вслед и подошел к столу Гарри. Тот писал письмо. Ричард глянул на экран: письмо, явно интимного свойства, было адресовано почему-то не девушке Гарри. Ричарду стало неловко, и он обошел стол так, чтобы не видеть экрана.

— Гарри, что тут происходит? Это, что, шутка?

Гарри оглянулся, будто что-то услышал. Поспешно нажал на клавишу, выводя на экран «обои» с танцующим бегемотом, потом тряхнул головой, будто ему что-то померещилось, взял телефонную трубку и начал набирать номер. Ричард хлопнул по телефону, прерывая вызов.

— Слушай, Гарри, это уже не смешно. Все вокруг притворяются, что не видят меня. Можешь мне объяснить, в чем дело?

Наконец, к огромному облегчению Ричарда, Гарри поднял голову и посмотрел на него.

— Если меня уволили, — продолжил Ричард, — так и скажи. Зачем делать вид, что меня здесь нет?..

Тут Гарри улыбнулся и сказал:

— Здравствуйте! Меня зовут Гарри Перуну. Чем могу вам помочь?

— Думаю, ничем, — мрачно ответил Ричард и вышел из кабинета, оставив на стуле портфель.

* * *

Офис Ричарда располагался на четвертом этаже старого, немного обшарпанного дома неподалеку от Стрэнда. Джессика работала поблизости, в Сити, в огромном современном здании с большими зеркальными окнами, до которого от офиса Ричарда было всего минут пятнадцать ходу.

Ричард домчался за десять. Прошел мимо охранников на первом этаже, зашел в лифт и нажал на кнопку. В лифте на стенах были зеркала, так что, пока ехал, он успел вдоволь на себя налюбоваться. Галстук развязался и перекособочился, рукав плаща оторван, брюки подрваны на коленках, волосы слиплись от пота... Боже, какой кошмар!

Наконец прозвенел звонок, и двери лифта раздвинулись. Ричард оказался на этаже, где работала Джессика. Несмотря на общий дух минимализма, все здесь дышало роскошью. У лифта сидела секретарша — элегантная, уверенная в себе девушка, которая наверняка получала в несколько раз больше, чем Ричард. Она читала «Космополитен» и, когда Ричард подошел, даже не подняла головы.

— Мне нужно к Джессике Бартрам, — сказал он. — По очень важному делу. Мне необходимо срочно с ней поговорить.

Секретарша принялась с большим интересом разглядывать свои ногти, по-прежнему не обращая на Ричарда внимания. Не чуя ног, он промчался по коридору до кабинета Джессики, открыл дверь и вошел. Джессика стояла перед тремя огромными плакатами. На всех трех было написано: «Ангелы над Англией — передвижная выставка», и изображены ангелы, на каждом плакате свой. Когда Ричард вошел, Джессика повернулась к нему и мило улыбнулась.

— Джессика! Слава богу! Знаешь, я, кажется, схожу с ума. Утром я не смог поймать такси, а потом оказалось, что в офисе меня никто не узнает, а еще в метро меня зажало... — Он показал ей оторванный рукав. — Все ведут себя так, будто я вообще не существую.

Джессика улыбнулась еще шире, словно пытаясь его утешить.

— Слушай, — продолжил Ричард. — Прости меня за тот вечер. Мне очень стыдно. Не потому, что я решил помочь той девушке, а потому, что обидел тебя и... Слушай, прости меня! Весь мир сошел с ума, и я вообще не понимаю, что мне теперь делать.

Джессика кивнула, продолжая сочувственно улыбаться, а потом сказала:

— Вы, наверное, решите, что я тоже сумасшедшая, но, понимаете, у меня ужасная память на лица. Погодите минуту, сейчас я вспомню, кто вы.

И тут Ричард понял, что его действительно никто не узнает, и содрогнулся. Значит, все, что сегодня творится, — не страшный сон, не шутка и не розыгрыш. Нет, все это происходит на самом деле.

— Да ладно, — пробормотал он, — не стоит.

С этими словами Ричард вышел из кабинета и поплелся назад по коридору. Когда он был уже у лифта, Джессика крикнула ему вслед:

— Ричард!

Он обернулся. Значит, это все-таки *шутка*! Злая шутка в отместку за то, что он сделал. Что ж, по крайней мере теперь все встало на свои места.

— Ричард... Мэбери? — судя по всему, она была очень рада, что вспомнила, как его зовут.

— Мэхью, — поправил Ричард и зашел в лифт. Снова послышался печальный звонок, и двери закрылись.

* * *

Расстроенный, злой и окончательно сбитый с толку, Ричард побрел домой. Время от времени он махал рукой, даже не надеясь, что водитель такси его заметит, и машины действительно проезжали мимо. У Ричарда страшно устали ноги и болели глаза, но он еще пытался убедить себя, что все будет в порядке, начнется новый, нормальный понедельник, самый обычный, *настоящий*.

Добравшись до дома, Ричард набрал ванну, разделся, бросил одежду на кровать и, пройдя голым через всю квартиру, опустил в приятную горячую воду. Он уже почти заснул, когда услышал, как в замке повернулся ключ, входная дверь открылась, потом закрылась, и мужской голос сказал:

— Разумеется, вы первые, кому я показываю эту квартиру, однако поверьте, у меня длинный список желающих здесь поселиться.

— А она совсем не такая большая, как выглядит в проспектах, которые вы нам прислали, — послышался женский голос.

— Да, она такая... компактная. И лично я считаю, что это большой плюс.

Ричард не запер дверь в ванную. С какой стати? Ведь он жил один.

Хриплый и сердитый мужской голос сказал:

— Насколько я помню, вы говорили, что квартира не обставлена. Это вы называете не обставлена? Да она буквально забита мебелью!

— Вероятно, предыдущий жилец еще не все увез. Странно, что мне об этом не сообщили.

Ричард встал, но тут же вспомнив, что он не одет, и сообразив, что эти люди могут в любую минуту войти в ванную, снова сел и принялся лихорадочно оглядываться в поисках полотенца.

— Ой, Джордж, гляди! — вдруг сказала женщина в гостиной. — Кто-то забыл на стуле полотенце.

Ричард стал искать что-нибудь, что могло бы заменить полотенце: губка? Полбутылки шампуня? Желтая резиновая уточка?

— Не могли бы вы показать нам ванную? — попросила женщина.

Ричард прикрылся какой-то мокрой тряпкой, вжался в стену и приготовился к самому худшему. Дверь распахнулась. В ванную вошли трое: молодой парень в пальто из верблюжьей шерсти и супружеская пара средних лет. Должно быть, они смутятся не меньше, чем я, подумал Ричард.

— Маленькая, — проворчала женщина.

— Компактная, — поправил тип в верблюжьем пальто. — Зато ее легче убирать.

Дама провела пальцем по краю раковины и поморщилась.

— Я думаю, мы все посмотрели, — заявил мужчина.

Они вышли.

— Квартира, конечно, небольшая, но это даже *хорошо*, — сказала женщина. Потом они стали тихо переговариваться. Ричард выбрался из ванны и подкрался к двери. Заметив полотенце, по-прежнему висевшее на спинке стула, он подался вперед и схватил его.

— Мы согласны, — объявила женщина.

— Правда? — уточнил тип в пальто.

— Да. Это именно то, что нам нужно, — ответила дама. — Сейчас, правда, в квартире много чужих вещей, но мы тут обустроимся, и станет вполне уютно. Мы можем въехать в среду?

— Разумеется! Завтра же вывезем отсюда весь этот хлам.

Замерзший, мокрый, в одном полотенце на бедрах, Ричард гневно посмотрел на них с порога ванной.

— Это не хлам, — сказал он. — Это мои вещи!

— Хорошо, тогда мы возьмем ключи в агентстве.

— Простите, — жалобно промямлил Ричард, — но я здесь живу!

Все трое прошли мимо него к входной двери.

— С вами очень приятно иметь дело, — сказал парень в пальто.

— Неужели вы... неужели никто меня не слышит?! Это моя квартира. Я здесь живу!

— Условия контракта можете прислать по факсу... — сказал сердитый мужчина, дверь за ними захлопнулась, и наступила тишина.

Дрожа от холода, Ричард так и остался стоять посреди квартиры, которую он еще недавно считал своей.

— Этого просто не может быть! — сказал он в пустоту, упрямо отказываясь верить в очевидное.

Тут затрещал Бэтмобиль, весело мигая фарами. Ричард робко взял трубку:

— Алло!

В трубке что-то зашипело, потом послышался громкий треск, словно звонили откуда-то издалека. Наконец раздался незнакомый голос:

— Мистер Мэхью? Это Ричард Мэхью?

— Да, — отозвался Ричард, а потом с облегчением добавил: — Вы меня слышите! Ну слава богу! Кто это?

— Мы с моим партнером имели честь разговаривать с вами в воскресенье, мистер Мэхью. Я пытался выяснить, не знакомы ли вы с некоей молодой леди. Помните? — голос был приторно-сладкий, мерзкий, хитрый.

— Ах, да. Помню. Это вы.

— Мистер Мэхью, вы сказали, что Двери у вас нет. Однако у нас есть основания полагать, что вы существенно исказили истину.

— Ну и что? А *вы* сказали, что вы ее брат.

— Все люди братья, мистер Мэхью.

— Ее здесь больше нет. И я понятия не имею, где она.

— Знаем, мистер Мэхью. Нам отлично известно и то и другое. Честно говоря, мистер Мэхью, — насколько я понимаю, вы теперь не против того, чтобы говорить честно, верно? — я бы посоветовал вам забыть об этой девушке. Жить ей осталось считанные дни, и, уж поверьте, чтобы сосчитать их, можно обойтись без двузначных чисел.

— Зачем вы мне звоните?

— Мистер Мэхью, — вежливо сказал мистер Круп, — вы когда-нибудь пробовали печень? Свою печень? — Ричард промолчал. — У вас будет такая возможность. Мистер Вандемар пообещал собственноручно извлечь ее и засунуть вам в глотку, прежде чем он перережет вашу тощую шею. Так что вы ее наверняка попробуете.

— Не смейте мне угрожать, я позвоню в полицию!

— Мистер Мэхью, вы вольны звонить куда хотите. Но напрасно вы думаете, что мы вам угрожаем. Ни я, ни мистер Вандемар никогда никому не угрожали, — не правда ли, мистер Вандемар?

— Да ну! А что же вы тогда сейчас *делаете*?

— Даем вам обещание, которое исполним, когда придем, — донеслось до Ричарда сквозь невыносимый треск, эхо и шипение. — Кстати, мы прекрасно помним, где вы живете! — На этом мистер Круп повесил трубку.

Ричард сжал в руке Бэтмобиль, пристально посмотрел на него, потом быстро набрал «999» — пожарные, полиция, «скорая помощь».

— Вы позвонили в службу спасения, — сказал оператор. — С кем вас соединить?

— Соедините меня, пожалуйста, с полицией. Меня только что угрожали убить, и я думаю, что они не шутят.

Оператор долго молчал. Ричард надеялся, что сейчас его переключат на полицию. Через некоторое время оператор повторил:

— Алло! Это служба спасения. Алло! Вы меня слышите? Алло!

Ричард повесил трубку, прошел в спальню и оделся, потому что был совсем голый и страшно замерз, и очень испугался, и совсем не знал, что ему теперь делать.

* * *

В конце концов он вытащил из-под кровати черную спортивную сумку и бросил в нее носки, трусы, пару футболок, паспорт, бумажник. Натянул на себя джинсы, толстый свитер и кроссовки. Ему вспомнилось, как девушка по имени Дверь прощалась с ним. Как она помолчала, как сказала «прости»...

— Ты знала, — сказал он пустой квартире. — Ты знала, что со мной произойдет.

Он пошел на кухню, взял из вазы несколько бананов, положил в сумку, застегнул ее и вышел на темную улицу.

* * *

С тихим жужжанием карточка скрылась в слоте банкомата. На экране высветилось: «ПОЖАЛУЙСТА, ВВЕДИТЕ ПИН-КОД». Ричард быстро ввел свой пин-код (Д-И-К). Экран погас. Потом появилась надпись: «ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ», и экран снова погас. В автомате что-то заворчало и зарокотало.

«ДОСТУП ЗАКРЫТ. ПОЖАЛУЙСТА, ОБРАТИТЕСЬ В КОМПАНИЮ, ВЫДАВШУЮ КРЕДИТНУЮ КАРТУ». Послышался громкий лязг, и карточка вылезла из слота.

— Не найдется пары монет? — устало протянул кто-то за спиной у Ричарда.

Он обернулся: позади стоял невысокий, лысый старик со спутанной желтовато-седой бородой и глубокими морщинами, избороздившими грязное лицо. Грязное пальто поверх рваного темно-серого свитера. Серые, слезящиеся глаза.

Ричард протянул незнакомцу свою кредитку.

— Вот, возьмите, — сказал он. — На ней полторы тысячи фунтов. Может, вам повезет больше, и вы сумеете до них добраться.

Мужчина взял карточку своими черными от грязи пальцами, посмотрел на нее, перевернул и сказал:

— Ну спасибо. Если дашь еще шесть пенсов, я смогу купить себе чашку кофе, — он вернул Ричарду карточку и пошел прочь.

Схватив сумку, Ричард быстро догнал старика и сказал:

— Постойте! Так вы меня видите?

— Конечно, вижу! Я же не слепой, — отозвался нищий.

— А вы случайно не знаете, где находится некий Плавающий рынок? — спросил Ричард. — Мне очень нужно туда попасть. Девушка по имени Дверь...

Но старик не дал ему договорить — он испуганно попятился.

— Прошу вас, помогите, — сказал Ричард. — Ну пожалуйста!

Нищий смотрел на него без всякого сочувствия. Ричард вздохнул:

— Что ж, ладно. Простите, что побеспокоил.

Отвернувшись, он крепко сжал ручку спортивной сумки, чтобы старик не увидел, как дрожат руки, и пошел по Хай-стрит.

— Постой! — прохрипел вдруг нищий. Ричард оглянулся. Старик помахал ему рукой. — Иди сюда, да поживей.

Нищий повел его к одному из обветшалых домов, — лестница, которая вела к заброшенным квартирам в подвалах, была сплошь засыпана мусором. Открыв дверь вниз, старик подождал, пока Ричард зайдет, а потом запер ее у него за спиной. Они оказались в крошечной тьме. Послышался шорох, и Ричард увидел в руке у нищего горящую спичку, которую тот поднес к фитилю старого железнодорожного фонаря. Фонарь давал света не намного больше спички. Старик повел Ричарда куда-то в темноту.

Воздух здесь был затхлый, пахло сыростью и старыми кирпичами.

— Где мы? — прошептал Ричард, но старик шикнул на него, приказывая молчать.

Вскоре они добрались до еще одной двери. Старик постучал условным стуком, и через некоторое время дверь распахнулась.

В первую секунду Ричарда ослепил свет. Он оказался в огромном сводчатом помещении — подземном зале, — наполненном ярким красноватым светом и дымом. Там горели небольшие костры. Возле них стояли люди, лица которых невозможно было различить в полумраке зала, — и жарили мясо на вертелах. Другие сновали между кострами. Ричарду показалось, что он попал в ад, — по крайней мере, именно таким ад представлялся ему в детстве. У него запершило в горле от дыма, и он закашлялся. Тотчас же на него уставились сотни глаз, которые смотрели холодно и недружелюбно.

К Ричарду и старику подскочил какой-то человек. Длинноволосый, с клочковатой каштановой бородой, в рваной одежде, отороченной мехом, — оранжево-бело-черным, как у леопарда. Он был явно выше Ричарда, но сильно сутулился, а руки держал у груди, скрючив пальцы на манер какого-нибудь грызуна.

— Это еще кто такой? Кто такой? Кто? — спросил он у нищего. — Кого это ты привел к нам, Илиастер? Скажи-скажи-скажи.

— Он из Верхнего мира, — ответил старик (*Илиастер?* — подумал Ричард). — Все выспрашивал про леди Дверь. И про Плавающий рынок. Вот я привел его к вам, предводитель крыситов. Вы наверняка знаете, что с ним делать.

Их окружили уже человек десять — все в отороченной мехом одежде, мужчины и женщины, даже дети. Они передвигались довольно странно, мелкими перебежками, — замирали на секунду, а потом бросались вперед, к Ричарду.

Порывшись в своем меховом тряпье, предводитель крыситов достал большой, дюймов восемь длиной, осколок стекла, один конец которого был обмотан обрывками меха, так что осколок напоминал острый кинжал с рукояткой. В стеклянном клинке отражался огонь костров.

Предводитель приставил осколок к горлу Ричарда.

— О, да. Да-да-да, — весело пропищал он. — Я *отлично* знаю, что с ним делать.

Мистер Круп и мистер Вандемар обосновались в больнице, построенной в викторианскую эпоху и закрытой десять лет назад в связи с сокращением финансирования. Застройщик, обещавший превратить это здание в великолепный многоквартирный дом класса «люкс», исчез, как только больница закрылась, и с тех пор вот уже сколько лет мрачное, заброшенное сооружение с заколоченными окнами и навесными замками на дверях стояло бесхозным. Крыша прохудилась, дождевая вода стекала на пол, и здесь воцарились вечная сырость и запустение. Из внутреннего дворика просачивался тусклый, серый свет.

В верхних этажах были заброшенные палаты, а в подвале — сотни комнатушек, одни из которых стояли совсем пустые, а в других громоздилось ржавеющее оборудование. Одну из них почти целиком занимала квадратная металлическая печь, а по соседству располагались неработающие туалеты и душевые. Повсюду стояли грязные лужи, и в них отражалась эта безрадостная картина.

Если спуститься по лестнице и пройти мимо заброшенных душевых и туалетов для персонала через комнату, усыпанную осколками стекла, где провалился потолок и видно ступеньки этажом выше, можно добраться до ржавой лестницы с отслаивающейся белой краской. А если сойти по ржавым ступеням и пересечь лужу грязной стоялой воды внизу, то за растрескавшейся деревянной дверью вы найдете помещение, в котором на протяжении ста двадцати лет в больнице скапливался всякий хлам. Тут, среди хлама, и обустроились мистер Круп и мистер Вандемар. Вода капала с потолка и сочилась по стенам. В углах что-то догнивало — «что-то», что, возможно, когда-то было живым.

Мистер Круп и мистер Вандемар убивали время. Мистер Вандемар нашел где-то ярко-оранжевую сороконожку восьми дюймов длиной с ядовитыми изогнутыми жвалами и теперь возился с нею. Она крутилась меж его пальцев, залезала в один рукав и выбиралась из другого. Мистер Круп баловался с бритвами. Он обнаружил в углу целую коробку бритв пятидесятилетней давности, обернутых в тонкую пергаментную бумагу, и теперь пытался придумать, что бы такое с ними сотворить.

— Не могли бы вы обратить на меня взор ваших глаз, мистер Вандемар? — промолвил он.

Мистер Вандемар осторожно зажал сороконожку между большим и указательным пальцами и поглядел на мистера Круга.

Тот, растопырив пальцы, приложил руку к стене. Затем достал четыре лезвия, тщательно прицелился и метнул их в стену одно за другим. Лезвия вонзились в штукатурку между пальцами. Мистер Круп убрал руку, довольный своим представлением — лезвия остались в стене веером, — и повернулся к напарнику.

Мистер Вандемар, однако, не оценил его мастерства.

— И что? Ты же *ни в один* палец не попал!

Мистер Круп вздохнул.

— Да ну? Черт меня подери, ты прав! Как это я мог так опростоволоситься? — Он вытащил лезвия из стены и швырнул их на деревянный стол. — Может, покажешь, как надо?

Мистер Вандемар кивнул. Посадил сороконожку в банку из-под джема, приложил левую руку к стене, а в правую взял нож — острый, длинный, идеально сбалансированный. Прищурился и метнул. Нож просвистел в воздухе — как свистит нож, пущенный с большой

силой, — и вонзился в мокрую штукатурку, пригвоздив руку.

Зазвонил телефон.

Мистер Вандемар оглянулся и с самодовольной ухмылкой объявил:

— *Вот* как надо.

В углу стоял старинный телефон с корпусом, выполненным из дерева и эбонита, которым не пользовались с двадцатых годов. Мистер Круп поднес к уху динамик на длинном матерчатом шнуре и, склонившись к аппарату, заговорил в микрофон:

— Круп и Вандемар, «Древнейшая фирма». Устранение препятствий, уничтожение помех, усекновение ненужных конечностей, а также стоматология наоборот к вашим услугам.

Ему что-то сказали. Мистер Круп поморщился. Мистер Вандемар тем временем безуспешно пытался оторвать от стены пригвожденную руку.

— Да, сэр. Разумеется, сэр. Осмелюсь доложить, что телефонные коммуникации с вами воистину скрашивают наши однообразные и безрадостные будни. — Он немного помолчал. — Хорошо, хорошо, никакого подхалимства. Безмерно рад. Такая честь... Что нам известно? — Он умолк, сосредоточенно, с наслаждением поковырял в носу и только потом продолжил: — Нам не известно, где она в данный момент. Но это и не нужно. Сегодня вечером она обязательно появится на рынке... — Он стиснул зубы. — Нет, мы не собираемся нарушать перемирие. Подождем, пока она покинет рынок, тогда и прикончим...

Он умолк, слушая, что ему говорят, и время от времени кивая.

Мистеру Вандемару между тем все не удавалось выдернуть из стены нож — лезвие вонзилось слишком глубоко.

— Да, это можно устроить, — проговорил мистер Круп. — То есть, мы, *разумеется*, все устроим. Конечно. Да-да. Понимаю. И еще, сэр, может быть, мы могли бы обсудить...

Но его собеседник уже положил трубку. Мистер Круп недоуменно посмотрел на динамик и повесил его на место. — Думаешь, ты один такой умный? — прошипел он. И, заметив, как мистер Вандемар дергается у стены, бросил: — Прекрати!

Он с легкостью извлек из стены лезвие, освободив руку мистера Вандемара, и швырнул нож на стол.

Вандемар потряс рукой, размял пальцы и вытер с лезвия крошки штукатурки.

— Кто это был?

— Босс. Оказалось, с той, другой, ничего не получится. Слишком мала. Так что ему нужна Дверь.

— Значит, ее теперь нельзя убивать?

— О да, друг мой, ты верно резюмировал сказанное нашим уважаемым работодателем. Кстати, мисс Дверь объявила, что ищет телохранителя. И выберет его на рынке. Сегодня.

— И? — Мистер Вандемар плюнул на рану сначала с одной стороны ладони, потом с другой, и растер слюну большим пальцем. Рана мгновенно затянулась, не осталось даже шрама.

Мистер Круп поднял с пола свой плащ — тяжелый, черный, сильно заношенный — и надел его.

— Ну-с, мистер Вандемар, может, и нам пора нанять себе телохранителя?

Мистер Вандемар спрятал нож в рукав, тоже надел плащ, сунул руки в карманы и с радостью обнаружил в одном из них почти целую мышь. Отлично. Он как раз

проголодался. Потом он принялся размышлять над тем, что сказал мистер Круп, тщательно, словно патологоанатом, который препарирует любовь всей своей жизни, и обнаружил в логике напарника серьезный изъян.

— Нам не нужен телохранитель, мистер Круп, — сообщил он. — Нам некого бояться. Это другие боятся нас.

Мистер Круп выключил свет.

— Да что вы, мистер Вандемар?! — медленно проговорил мистер Круп, как всегда, наслаждаясь каждым словом. — Неужели вы хотите сказать, что нам нельзя причинить боль?

Мистер Вандемар несколько секунд раздумывал, а потом ответил четко и ясно:

— Нет.

* * *

— Шпион из Верхнего мира, да? — прошипел предводитель крыситов. — Я выпущу тебе кишки, чтобы предсказать по ним будущее.

— Послушайте, — пробормотал Ричард, прижатый спиной к стене и с кинжалом из стекла у горла. — Вы, вероятно, ошиблись. Меня зовут Ричард Мэхью. Я могу это доказать. У меня есть читательский билет. Есть кредитки. Вещи, — в отчаянии добавил он.

И вдруг обостренным зрением человека, которому какой-то псих собирается перерезать горло, Ричард увидел, что в дальнем конце зала люди падают на колени и склоняют головы в почтительном поклоне, а по полу движется черная тень.

— Если рассуждать здраво, это чистое недоразумение, — проговорил он, сам не очень-то понимая, что хочет этим сказать. Сейчас он знал только одно: если он что-то говорит, значит, еще жив. — Почему бы вам не убрать свой кинжал... Пойдите! Это моя сумка! — закричал он, увидев, как худенькая нечесаная девушка лет восемнадцати схватила его сумку и принялась вытряхивать на пол вещи.

Один за другим люди падали на колени — черная тень приближалась и вскоре добралась до тех, кто окружал Ричарда. Впрочем, они этого не заметили, потому что смотрели только на него.

Черная тень при ближайшем рассмотрении оказалась крысой. Она с любопытством разглядывала Ричарда. И ему на секунду показалось — хотя, разумеется, это был полный бред, — что крыса ему *подмигнула*. А потом она вдруг громко запищала.

Человек с кинжалом рухнул на колени. Так же, как и остальные. Секунду подумав, их примеру последовал и бродяга, которого тут называли Илиастер. Ричард остался стоять, но худенькая девушка потянула его за рукав, и он тоже опустился на колени.

Предводитель крыситов поклонился так низко, что его длинные волосы коснулись пола, и запищал, зацокал, защелкал, морща нос и обнажая зубы, словно и сам тоже был огромной крысой.

— Кто-нибудь объяснит мне, что здесь... — начал Ричард, но девушка шикнула:

— Тихо!

Крыса забралась в грязную ладонь предводителя крыситов — с некоторой безразличностью, как показалось Ричарду, — и тот поднес ее к самому его лицу. Крыса медленно поводила хвостом, всматриваясь ему в глаза.

— Это господин Долгохвост из клана серых, — сообщил предводитель крыситов. — Он

говорит, что уже видел тебя. И спрашивает, встречались ли вы раньше?

Ричард и крыса с минуту изучали друг друга.

— Может быть.

— Он говорит, что передавал тебе сообщение от маркиза Карабаса.

Ричард присмотрелся.

— А, так это *тот самый* крыс? Да, мы встречались. Я швырнул в него пульт от телевизора.

Окружающие в ужасе переглянулись. Девушка взвизгнула.

Но Ричарду было не до них. Слава богу, хоть кто-то знакомый в этом хаосе.

— Привет, крысунчик. Рад тебя видеть. Ты не знаешь, где Дверь?

— Крысунчик! — то ли всхлипнула, то ли пискнула девушка. К ее лохмотьям был прицеплен потертый красный значок, какие бывают прикреплены к открыткам. На нем желтыми буквами было написано: «Мне 11».

Предводитель крыситов угрожающе помахал перед носом Ричарда кинжалом.

— Обращаться к господину Долгохвосту только через меня, понял? — Крыс что-то пропищал, и предводитель поморщился. — Его? — переспросил он, брезгливо косясь на Ричарда. — У меня нет лишних людей. Лучше я перережу ему горло и отправлю к жителям канализации...

Крыс снова что-то пропищал, на этот раз сердито, а потом спрыгнул с руки предводителя на пол и исчез в дыре в плинтусе.

Предводитель встал. Сотни глаз обратились на него. Он повернулся к своим нематым подданным, сгрудившимся у костров.

— Чего уставились? — рявкнул он. — Кто будет следить за мясом? Хотите, чтобы все подгорело? Нет тут ничего интересного. Займитесь своими делами. И ты вставай, чего ждешь? — Ричард обеспокоенно поднялся с колен. Левая нога у него затекла, и он принялся ее растирать. Предводитель повернулся к Илиастеру: — Надо отвести его на рынок. Приказ господина Долгохвоста.

Илиастер покачал головой и сплюнул.

— Я не поведу, — сказал он. — Это уже слишком. Вы, крыситы, всегда мне помогали, но я не могу его отвести. Вы же знаете.

Предводитель кивнул, убрал кинжал под шубу, а потом повернулся к Ричарду и оскалился, обнажив желтые зубы.

— Ты даже не представляешь, как тебе повезло.

— Нет, я знаю, — пробормотал Ричард.

— Не знаешь, — отрезал предводитель. — Ничего ты не знаешь. — Он тряхнул головой и удивленно повторил: — Надо же, «крысунчик»!

Затем взял под руку Илиастера и отвел в сторонку. Они о чем-то шептались, то и дело косясь на Ричарда.

Девушка тем временем ела банан, который нашла в сумке. Ричард подумал, что трудно себе представить менее эротичное поедание банана.

— Это был мой завтрак, — сообщил он. Она виновато глянула на него. — Меня зовут Ричард. А тебя?

Он вдруг понял, что она успела съесть все бананы, которые он взял с собой. Проглотив последний кусок, она пробормотала что-то похожее на «Анестезия» и добавила:

— Мне есть хотелось.

— Но я-то тоже хочу есть!

Она поглядела на костры и улыбнулась Ричарду.

— Кошек любишь?

— Ну, в общем, да. Я люблю кошек.

Анестезия облегченно вздохнула.

— Бедрышко или грудку?

* * *

Дверь шла через двор. За ней шагал маркиз Карабас. В Лондоне сотни таких дворов, закутков и проулков — островков старины, которые ничуть не изменились за последние триста лет. Даже запах мочи здесь стоит точно такой же, как во времена Сэмюэла Пипса.^[17] До рассвета был еще час, но небо уже начало светлеть и сделалось тускло-свинцовым. В воздухе висели клочья тумана, похожие на привидения.

Грубо заколоченная дверь была обклеена плакатами, рекламировавшими всеми забытые музыкальные группы и давно закрывшиеся ночные клубы. Маркиз скептически уставился на потертые доски, ободранные плакаты и кривые гвозди — впрочем, он всегда и на все смотрел скептически.

— Это и есть вход? — спросил он.

Дверь кивнула:

— Один из входов.

Маркиз сложил руки на груди.

— Ну. Скажи ей: *Сезам, откройся!* — или что ты там говоришь.

— Я не хочу идти туда. Мне кажется, мы совершаем ошибку.

— Хорошо. Тогда до встречи. — Он резко развернулся и пошел прочь.

Дверь схватила его за рукав.

— Вы меня бросаете? Вот так просто?

Он улыбнулся холодной официальной улыбкой.

— Конечно. Я занятой человек. Меня ждут дела, меня ждут люди.

— Нет, подождите. — Она отпустила его и прикусила губу. — Последний раз я была там, когда... — она не закончила.

— Когда была там последний раз, ты обнаружила, что всех твоих родных убили. Да, я это уже понял. Ты говорила. Но если мы туда не идем, я считаю, что наше сотрудничество закончено.

Она подняла на него глаза. Ее лицо казалось совсем бледным в этот серый предрассветный час.

— И это все?

— Ну, я мог бы пожелать тебе удачи в будущем. Однако, полагаю, ты до этого будущего не доживешь.

— Вы человек дела, да?

Он промолчал. Она вернулась в двери.

— Ладно. Я проведу вас.

Девушка положила левую руку на заколоченную дверь, а правой взяла за руку маркиза. Ее тонкие пальчики потерялись в его огромной коричневой ладони. Она закрыла глаза.

...Что-то зашептало, задрожало, изменилось...

...Дверь исчезла во тьме...

* * *

Воспоминания были совсем свежими. Всего несколько дней прошло с тех пор, как она шла по Дому без Дверей и кричала: «Эй? Где вы?». Переходила из холла в столовую, библиотеку, гостиную — никого.

Она отправилась дальше. Бассейн был викторианский, отделанный мрамором, с чугунными украшениями. Отец нашел его очень давно. Бассейном никто не пользовался и его собирались снести, а отец включил его в Дом без Дверей. Может быть там, в Верхнем Лондоне, эта комната давно исчезла и даже память о ней стерлась. Дверь понятия не имела, где физически находятся комнаты ее дома. Сбирать его начал дедушка — медленно, по одной комнате. Он выискивал их по всему Лондону и незаметно присоединял к дому, в котором не было ни одной двери. Его труд продолжил отец.

Она шла вдоль бассейна, радуясь, что снова оказалась дома, и удивляясь, куда все подевались. А потом посмотрела на воду.

В бассейне плавало тело. Два красных облака расплылись от его горла и живота. Это был ее брат Арк. Глаза у него были открыты, но он уже ничего не видел. Она вдруг поняла, что громко кричит.

* * *

— Больно, — пожаловался Маркиз, с силой потирая лоб. Затем дважды крутанул головой, разминая шею.

— Это воспоминания, — объяснила Дверь. — Стены все впитывают.

Он удивленно вскинул бровь:

— Могла бы предупредить.

— А, ну да.

Они стояли в белоснежном зале. Все стены были увешаны картинами, изображавшими разные комнаты. В зале не было ни одной двери, никакого выхода.

— Любопытный декор, — заметил Маркиз.

— Это центральный зал. Отсюда мы можем попасть в любую комнату. Они все сообщаются между собой.

— А где остальные комнаты?

Она покачала головой.

— Не знаю. Может быть, за несколько миль отсюда. Они разбросаны по всему Нижнему миру.

Маркиз принялся нетерпеливо расхаживать по залу.

— Занятно. Этаким сложносочиненный дом, комнаты со всех уголков Лондона. Оригинально. Знаешь, Дверь, твой дедушка был с фантазией.

— Я его не знала. — Она сглотнула и добавила, скорее сама себе, чем маркизу: —

Казалось, здесь мы в безопасности, нам ничто не угрожает. Ведь сюда никто не может попасть, кроме членов нашей семьи.

— Остается надеяться, что дневник твоего отца хоть немного прольет свет на то, что случилось, — проговорил Маркиз. — Где будем искать? — Дверь пожала плечами. — Ты точно знаешь, что он вел дневник?

Девушка кивнула.

— Он уходил в кабинет и блокировал все связи до тех пор, пока не закончит надиктовывать.

— Тогда начнем с кабинета.

— Но там я уже искала. Честное слово. Я все *обшарила* еще тогда, когда... убирала тело... — Она заплакала, тяжело и надрывно, словно рыдания прорывались из самой глубины души.

— Ну, ну, — маркиз Карабас неловко похлопал ее по плечу. — Ну-ну, — добавил он на всякий случай. Он не очень-то умел утешать.

Глаза Двери были полны слез.

— Вы... можете подождать... минутку? Я скоро приду в себя.

Он кивнул и отошел в другой конец зала, а через некоторое время обернулся. Она все так же стояла, обхватив себя руками, и плакала отчаянно, навзрыд, как маленькая девочка, — крошечная фигурка на фоне белой стены, увешанной картинами.

* * *

Ричард все еще горевал по утраченной сумке.

Но предводитель крыситов был неумолим. Он заявил, что господин Длиннохвост не говорил, что надо вернуть вещи, — только велел отвести Ричарда на рынок, и сообщил Анестезии, что именно она поведет чужака: «Да, это приказ. И хватит хныкать. Собирайся». Еще он предупредил Ричарда, чтобы тот держался от него подальше, и добавил, что тому страшно повезло. А потом, не обращая внимания на просьбы вернуть сумку или хотя бы бумажник, выпроводил Ричарда и Анестезию за дверь и запер ее.

Они тронулись в путь в темноте.

Анестезия несла самодельную лампу: жестяная банка, свеча, проволока и стеклянная бутылка из-под лимонада с широким горлом. Ричард удивился, как быстро его глаза привыкли к полумраку. Они шли через какие-то подвалы и погреба. Иногда ему казалось, что в углах кто-то шевелится — то ли крыса, то ли человек, то ли еще кто. Но каждый раз, когда они добирались до угла, там уже было пусто. Он спросил у Анестезии, что это, но она велела ему помалкивать.

Вдруг он ощутил поток воздуха. Ни слова не говоря, Анестезия опустилась на корточки, поставила на пол лампу и с силой дернула вделанную в стену решетку. Решетка неожиданно подалась, и девушка растянулась на земле. Она махнула Ричарду, и он пролез в дыру в стене. Однако, не продвинувшись и на фут, Ричард почувствовал, что пол обрывается.

— Послушай, — прошептал он, — тут внизу тоже дыра.

— Ничего, падать невысоко.

Она пролезла в дыру, закрыла за собой решетку и оказалась вплотную к Ричарду. Он смутился.

— Держи! — Она протянула ему лампу и соскользнула в темноту. — Ну вот, видишь, совсем не страшно! — Ее голова была на несколько футов ниже его болтающихся ног. — Давай лампу.

Он наклонился и протянул ей самодельную лампу. Девушке пришлось подпрыгнуть, чтобы ее забрать.

— Ну, — прошептала она, — теперь ты.

Ричард осторожно свесился через край, соскользнул вниз и повис на руках. Повисев несколько секунд, он разжал ладони и шлепнулся в мягкую жидкую грязь. Пока он вытирал руки о свитер, Анестезия прошла вперед и открыла еще одну дверь. Ричард поспешил к ней, они выбрались в какой-то туннель, и девушка закрыла за ними дверь.

— Все, теперь можно говорить, — сказала она. — Только не слишком громко. Если хочешь.

— Это хорошо, — обрадовался Ричард и тут же обнаружил, что не знает, о чем ее спросить. — Так, значит, ты крыса?

Девушка тонко захихикала и, как маленькая японка, прикрыла рот ладошкой.

— Не-а. Я была бы счастлива, будь я крысой, но увы... — она покачала головой. — Нет, мы крыситы, мы говорим с крысами.

— Говорите? В смысле, просто болтаете?

— Что ты?! Мы выполняем их поручения. Дело в том, — она понизила голос и заговорила так, будто сообщала нечто совершенно невероятное: — что крысы *не все могут*. Понимаешь? Потому что у них нет пальцев, нет рук и все такое. Погоди... — Она прижала Ричарда к стене, зажала ему рот грязной ладошкой и задула свечу.

Сначала ничего необычного не происходило.

Потом издалека донеслись голоса. Ричард и Анестезия ждали в темноте. Он дрожал от холода и сырости.

Мимо, негромко переговариваясь, прошли какие-то люди. Когда все стихло, Анестезия убрала ладошку, зажгла свечу, и они отправились дальше.

— Кто это был? — спросил Ричард.

Она пожала плечами.

— Не знаю. Это не важно.

— Тогда с чего ты взяла, что лучше не показываться им на глаза?

Она посмотрела на него с грустью, как смотрит мать, пытающаяся объяснить ребенку, что *любой* огонь жжется. «Да, и *этот* тоже. Уж поверь мне».

— Идем, — сказала девушка. — Мы можем срезать путь через Верхний Лондон.

Они поднялись по каменным ступеням, и Анестезия открыла дверь. Они вышли на улицу, и дверь мягко за ними закрылась.

Ричард потрясенно огляделся. Они стояли на северном берегу Темзы, на набережной Виктории длиной в несколько миль, которую построили в викторианскую эпоху, скрыв под ней безобразные канализационные стоки и недавно открывшуюся линию метро — «Дистрикт-лайн», — и навсегда устранив грязную приливную полосу, отравлявшую своей вонью Лондон на протяжении предыдущих пятисот лет. Была ночь — все та же или уже следующая, Ричард не знал. В этих темных туннелях он потерял счет времени.

Ночь была безлунной, но в небе сухо поблескивали осенние звезды. Сияли фонари, окна в домах и огни на мостах, отражаясь, как и ночное небо, как и весь город, в темной воде Темзы, и казалось, что эти огоньки тоже звезды, только обреченные сиять на земле.

Волшебная страна, подумал Ричард.

Анестезия задула свечу, и Ричард спросил:

— Ты уверена, что нам сюда?

— Конечно.

Перед ними была деревянная скамейка, при виде которой Ричард понял, что больше всего на свете хочет на нее присесть.

— Давай отдохнем немножко, совсем чуть-чуть.

Девушка пожалала плечами, и они сели на разных концах скамейки.

— В пятницу, — проговорил Ричард, — я работал в престижной компании, занимался инвестиционным анализом.

— Что такое инивестиционный...

— Инвестиционный анализ? Это моя работа.

Она кивнула, сочтя такое объяснение достаточным.

— Ясно. И что?

— Ничего. Просто вспоминаю, как это было. А вчера... я как будто перестал существовать. Здесь, наверху, никто меня не замечал.

— А ты и правда перестал для них существовать, — сказала Анестезия.

К ним подошла парочка, медленно прогуливавшаяся по набережной. Мужчина и женщина уселись на скамейку прямо между Анестезией и Ричардом и принялись страстно целоваться.

— Простите, — сказал им Ричард. Мужчина запустил руку под свитер своей подруги и принялся там шарить, как одинокий путешественник, открывший неизведанную землю. — Я хочу, чтобы все было как раньше, — сообщил ему Ричард.

— Я люблю тебя, — сказал мужчина.

— А как же твоя жена?.. — проворковала женщина, облизывая ему щеку.

— Хер с ней.

— А я надеялась, что *он* с тобой, — пьяно захихикала она и стала мять его ширинку.

— Идем, — сказал Ричард. Ему вдруг расхотелось сидеть на скамейке.

Они пошли дальше. Анестезия несколько раз с любопытством оглянулась на парочку, которая постепенно переходила в горизонтальное положение.

Ричард молчал.

— Что-то не так? — спросила девушка.

— Все, — буркнул он. — Ты всегда жила под землей?

— Не-а, я родилась здесь. — Анестезия на секунду умолкла. — Ты что, хочешь узнать, как я оказалась в Нижнем Лондоне? — спросила она, и Ричард с удивлением обнаружил, что ему и в самом деле хотелось бы услышать ее историю.

— Да.

Она повертела кварцевые бусы на шее и сглотнула.

— У меня была мама и еще сестренки-близняшки... — Она вдруг замолчала.

— Продолжай, — подбодрил Ричард. — Мне действительно интересно. Честное слово.

Девушка кивнула. Потом глубоко вдохнула и заговорила, не глядя на него, не поднимая глаз.

— У мамы были я и близняшки, а потом она свихнулась. Однажды я вернулась из школы, а она плакала и кричала, совсем голая. Она все била, тарелки и всякое другое. Но нас она никогда и пальцем не трогала. Никогда. А потом пришла женщина из органов опеки и

забрала близняшек, а меня отправили к тетке. Она жила с одним типом. Мне он не нравился. И когда тетки не было дома... — Она снова смолкла и на этот раз молчала так долго, что Ричард уже подумал, ее рассказ на этом окончится. Однако она продолжила: — Ну, в общем, он меня бил. И... всякое делал. В конце концов я сказала тетке, что он меня бьет, а она сказала, что я лгуныя и пригрозила вызвать полицию. Но я говорила правду! И тогда я сбежала. В свой день рождения.

Они дошли до Альберт-бридж — излюбленного туристами моста через Темзу, который соединял Баттерси на юге и Челси со стороны набережной Виктории, — волшебного моста, усыпанного тысячами белоснежных огоньков.

— Мне было некуда идти. Стояли холода. — Она ненадолго задумалась. — Я стала жить на улице. Спала днем, когда было потеплее, а ночью бродила, чтобы согреться. Мне было всего одиннадцать. Я воровала хлеб и молоко, которые оставляют покупателям у дверей. Но мне не нравилось воровать, поэтому я стала болтаться у рынков, жевала гнилые яблоки и разные объедки. А потом я сильно заболела. Я жила тогда под мостом в Ноттинг-хилле. Когда пришла в себя, я уже была в Нижнем Лондоне. Это крысы меня нашли.

— Ты никогда не пыталась вернуться сюда? — спросил он, обводя рукой тихие, уютные дома, редкие автомобили и припозднившихся прохожих — реальный мир...

Она покачала головой. *Нет, малыш, и этот огонь тоже жжется. Ты сам это поймешь.*

— Это невозможно. Либо один мир, либо другой. Нельзя быть разом и здесь, и там.

* * *

— Простите, я не хотела, — нерешительно проговорила Дверь. Глаза у нее покраснели, и вообще казалось, что она только что отчаянно сморкалась и с остервенением вытирала слезы с глаз и щек.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Полностью цитата выглядит так: «Вот чего не могу понять, — сказал он сам себе, — это почему считается, будто деревенские названия поэтичней лондонских. Доморощенные романтики едут поездами и вылезают на станциях, именуемых “Дыра на дыре” или “Плюх в лужу”. А между тем они могли бы прийти своими ногами и даже поселиться в районе с загадочным, богоизбранным названием “Лес святого Иоанна” Оно, конечно, меня в Лес святого Иоанна дуриком не заманишь: я испугаюсь. Испугаюсь нескончаемой ночи среди мрачных елей, кровавой чаши и хлопанья орлиных крыльев. Да, я пуглив. Но ведь это все можно пережить и не выходя из вагона, а благоговейно оставаясь в пригородном поезде» (*Перевод В. Муравьева*). Автор дает понять, что имена практически всех персонажей романа связаны с географическими реалиями Лондона.

Lyke Wake Dirge — древняя песнь, которая исполнялась во время бдения над телом усопшего. Несмотря на то, что она дошла до нас в христианской версии, в песни слышны языческие отголоски. Песнь повествует о путешествии души через пустошь *Whinny-muir*, через мост страха (*Brig O'Dread*) к вратам рая.

В настоящем издании пролог приводится в первоначальном виде. Прим. ред.

Понимающему достаточно немного (лат.)

Игра слов, основанная на названии площади — Оксфорд-сиркус (от *circus* — круг) и этимологически связанного с этим значения *circus* — цирк.

Шахтеры прошлого брали с собой в угольные шахты канареек, поскольку эти птицы чувствовали метан в атмосфере шахты задолго до того, как его концентрация становилась опасной.

Осмос — просачивание жидких веществ сквозь полупроницаемые животные или растительные перепонки, ткани.

Белый шум — шум, в котором звуковые колебания разной частоты представлены в равной степени, т. е. в среднем интенсивности звуковых волн разных частот примерно одинаковы, например, шум водопада.

Аксминстерский ковер — род бархатного ковра с тиснением в виде крупных цветов.

Великая выставка в Хрустальном дворце — знаменитая международная выставка в Лондоне в мае 1851 г., одной из основных идей которой было совместить искусство и науку в попытке стимулировать развитие промышленного дизайна. Выставка продолжалась 120 дней, ее посетила примерно пятая часть всего населения Великобритании.

Темпл (Внутренний Темпл и Средний Темпл) — два из четырех древнейших судебных иннов, расположенных в районе с тем же названием, который долгое время принадлежал ордену тамплиеров. В современном Лондоне существует также станция метро «Темпл». *Арка* происходит от названия Церкви на Арках (церкви Сент-Мэри-ле-Боу), где заседал апелляционный суд — Court of Arches («Суд Арок»). Темпл и Арка в романе превращаются в своеобразных божеств.

«*Мэнсфилд-Парк*» (Mansfield Park, 1814) — наиболее крупное произведение знаменитой английской писательницы Джейн Остен (Jane Austen, 1775–1817).

Римская свеча — род фейерверка.

Акрофобия — навязчивый страх, боязнь высоты или высоких мест (балконов, крыш, башен и др.), сопровождающаяся головокружением.

Старина Бейли — Old Bailey — центральный уголовный суд в Лондоне.

Руперт Мердок (Murdoch, Rupert, р. 1931) — основатель и владелец «Ньюс корпорейшн», глобальной империи средств массовой информации, объединяющей американскую сеть телепрограмм «Фокс» и около 150 газет и журналов.

Сэмюэл Пипс (1633–1793) — английский чиновник, автор дневника, посвященного жизни лондонцев.